

**Цикл:
Миртанские
проделки
Книга II:
Хозяин снов**

Артем Чупраков

Арте́м Чу́праков

Цикл: Миртанские проделки
Книга II: Хозяин снов

«Автор»

2026

Чупраков А. Б.

Цикл: Миртанские проделки Книга II: Хозяин снов /
А. Б. Чупраков — «Автор», 2026

Выбраться из проклятой шахты было половиной дела. Настоящая проблема начинается наверху, где главного героя никто не ждёт, тело подростка едва держится на ногах, а в кошельке пустота. Старый охотник видит в парне приёмного внука. Местная ведьма опасную загадку, которую проще сжечь, чем понять. А сам герой пытается не сдохнуть во время первой же охоты на зубастую тварь, которая почему-то решила пообедать его задницей. Впереди его ждут город, торг, удачные сделки и множество приключений. Всё это нужно пройти, чтобы вернуться и вытащить друзей, оставшихся в той самой проклятой шахте. Наш герой не спасает мир. Он спасает тех, кто рядом. И этого ему хватает за глаза.

© Чупраков А. Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I: Чужак в Пустоте	5
Марик. Тёплая встреча	11
Лия. Станный чужак	17
Главный Герой: Пробуждение	18
Марик. Кто же этот парень	24
Гед. Неречение	26
Гед. Где-то глубоко в недрах сознания	30
Гед. Три недели ада.	32
Охота	34
Драпа о вожде кротокрысов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Артем Чупраков

Цикл: Миртанские проделки

Книга II: Хозяин снов

Глава I: Чужак в Пустоте

Завис посреди пустоты. Дрыгал ногами, руками — ноль реакции.

Ладно. Вспоминаю, как сюда попал. Шёл по промоине, полез в воду, понесло, водопад, удар... и тьма.

Пространство? Его нет. Лишь тёмная серость сверху, снизу, по сторонам. Как космонавт в невесомости, только без скафандра.

Умер? Опять? Это последние секунды жизни мозга?

Пытаюсь пошевелиться — тело слушается. Дёргаюсь, вновь, пытаюсь плыть вперёд. Смешно... наверное, со стороны я похож на барахтающуюся букашку. Впрочем, это снова быстро надоедает — толку ноль.

Приходит чёткая мысль, я завис. Мозг явно пытается что-то в себе переварить и поэтому меня как кусок сознания из совершенно чуждого организма выкинуло куда-то в буфер. Да не чушь же.

Стоп. В прошлый раз, когда я умирал... в моём мире... было ли что-то подобное?

Не помню. Значит, этого не было. Значит, я не умер. Просто бред.

Щипаю себя — не больно. Значит, это сон. Станный сон. Осознанный! Я слышал о таком. Друг рассказывал, пытался попасть, но у меня никогда не получалось.

Пытаюсь проснуться: кричу, моргаю, двигаюсь. Бесполезно.

Ладно. Раз это сон или буфер или уровень ожидания восстановления жизнедеятельности физического носителя, по идее, должен быть способ им управлять. Ну или иначе я просто свихнусь тут без такого привычного ощущения времени, материи да жизни наконец.

Хватит болтаться. Душа требует творить.

Луг. Яркий, зелёный, с мягкой коротко стриженной травкой. Он возникает мгновенно. Чувств по-прежнему нет. Только лёгкая волна приятных эмоций избавления от неведомого ничего.

Провожу ногой по траве. Какой же реалистичный графон выдаёт мозг! Не отличить от реальности... если бы не отсутствие ощущений я бы подумал, что стал богом. Трава касается кожи, но не щекочет... Разберёмся с этим позже. Пока так приятнее, чем в пустоте.

Прогуливаюсь по бескрайней поляне. Скучно. Ладно, пусть здесь будет лес. А там — плетёный заборчик. А за ним — домик, как у бабушки в деревне. А здесь...

Создавать мир оказалось забавным занятием.

Но вдруг... чужеродное. Что-то яркое, лишнее. Двинулся навстречу.

И я увидел его. Бродягу. Он появился на горизонте моего мира. Одно желание — и он уже в десяти шагах, по инерции упав на колени.

– Белиар! – рыкнул я. Старый некромант! Закир! Это он пытался копаться в моих мозгах.

Мгновенно вспыхнула ярость. И мысль — клетка. Стальной саркофаг.

Пространство вокруг старика сгустилось, зазвенело. Решётка из мерцающей стали начала расти из ниоткуда, охватывая его со всех сторон.

Но Закир вдруг вскинул голову, и в глазах его мелькнуло нечто... знакомое. Оценивающее. Быстрое.

– Стой, – сказал он. Тихо. Спокойно.

И клетка замерла. Не исчезла, но перестала смыкаться. Словно наткнулась на невидимую стену.

Я опешил. На какую-то долю секунды.

– Ты... – начал я, но старик меня перебил. Он медленно поднялся с колен, и каждое его движение было точно выверено, ни капли прежней немощи.

– Интересно, – произнёс он, разглядывая клетку так, будто оценивал работу конкурента. – Ты создаёшь здесь всё силой желания. Значит, это твой разум. Твоя территория. – Он перевёл взгляд на меня, и в глазах появилась власть. – Ты новичок здесь, мальчик. А я пол века хожу по чужим умам.

Воздух между нами вдруг стал плотным, вязким. Словно пространство само затаило дыхание.

Я рванул клетку вперёд мысленным рывком. Стальные прутья лязгнули, пытаюсь сомкнуться, — и Закир дёрнулся, в его лице мелькнула боль. Но он не упал. Уперся руками в воздух, будто держал невидимую преграду.

– Ты... силен, – процедил он сквозь зубы. – Но груб.

Его ладони вспыхнули тусклым, фиолетовым светом, и клетка содрогнулась. Я почувствовал, как она подаётся, но смещается, будто кто-то рвёт её изнутри.

Сердце ухнуло в пятки. Он может сопротивляться.

– Я здесь бог! – рявкнул я, вкладывая в голос всю волю, и обрушил на клетку новую волну силы.

Сталь заскрежетала, сжалась, и Закир охнул. Фиолетовое свечение погасло. Но глаза его... они не выражали страха. Только злость и лихорадочный расчёт.

– Бог? – прошипел он, выпрямляясь с видимым усилием. – Ты — щенок, который даже не понимает, где находится.

– В моём, – отрезал я, и в этот раз клетка подчинилась без промедления, будто все пазлы мозаики сошлись. Прутья сомкнулись, стиснув старика со всех сторон. Он рухнул на колени, но головы не склонил. Смотрел снизу вверх с ненавистью и... уважением? Смесью того и другого.

– Допустим, – выдохнул он. – Допустим, это твоё тело. Но ты не сможешь вечно держать меня здесь на одной силе воли. Ты устанешь. Отвлечёшься. Заснёшь. – Он усмехнулся, и в этой усмешке было столько яда, что меня передёрнуло. – А я... я никуда не денусь. Я терпелив.

Внутри всё похолодело. Он прав. Чёрт возьми, он прав. Я чувствовал, как пульсирует голова, как напряжение высасывает силы. Удержать клетку — это как держать штангу над головой. Бесконечно не получится.

Но и показывать слабость нельзя.

Я шагнул ближе, нависая над решёткой и голосов, в который казалось я вложил всю свою власть сказал:

– Терпелив? Прекрасно. Значит, у нас есть время. – Я намеренно сделал паузу, давая словам осесть. – Ты нужен мне, старик. Твои знания, твой опыт. А я нужен тебе. Без меня ты — призрак в чужом сознании. Сдохнешь, когда сдохну я. Или... поможешь мне выжить, и я найду способ дать тебе новое тело.

В его глазах мелькнуло что-то — может быть, интерес, может быть, надежда. Он снова попытался выпрямиться, но клетка начала обрастать шипами.

– И ты меня выпустишь?

– А у тебя есть выбор? – парировал я.

Он замолчал. Долго смотрел на меня, и в этом взгляде было всё: ненависть, расчёт, усталость и, кажется, крошечная, едва заметная искра... надежды.

– Увеличь клетку, – наконец сказал он. – И убери эти сраные шипы. Колются.

Колются? — подумал. — У меня нет здесь чувств, совсем. Его боль и ощущения, пожалуй, лучший инструмент для меня.

Не сразу решился. Но потом, осторожно, ослабил хватку. Прутья разошлись в просторный вольтер, внутри которого стоял просторный шатёр — тот самый, в котором меня допрашивали.

Он огляделся, провёл рукой по ковру, потрогал подушки.

– Условия... сносные, – процедил Закир. – Для начала.

– Не наглей, – предупредил я. – Рассказывай. О магии, о Варанте, о шахте. И без вранья.

– Без вранья, – эхом повторил он, и в уголках его губ появилась тень улыбки. – Как скажешь, – он склонил голову, пожалуй впервые, – господин.

Закир устроился по удобнее, опершись спиной о подушки, и вдруг усмехнулся. Не та истеричная дрожь, что была вначале, а спокойная, почти ленивая усмешка.

– Ещё и любопытный. Любопытство – опасная штука, мальчик.

– Для тебя – господин, – напомнил я.

– Для тебя – господин, – эхом повторил он, но в голосе проскользнула насмешка. – Хорошо. О магии... – Он задумался, поглаживая бороду. – Знаешь, господин, в твоей голове я успел кое-что увидеть, пока ты меня не запер. И должен сказать... – он прищурился, – у тебя там настоящий хаос. Чужие слова, обрывки знаний, картинки, которых я не понимаю. Но кое-что полезное я вынес.

Я напрягся.

– Понравилось копаться в моём сознании?

– Не то чтобы понравилось, – Закир даже поморщился. – Слишком много лишнего. Как на базаре в час пик. Но, – он поднял палец, – кое-что я запомнил. Например, твоё увлечение... как это... – он наморщил лоб, изображая усилие, – «кино». Странные движущиеся картинки. И ещё... – он вдруг хмыкнул, – кажется, ты даже не знаешь, сколько маны в тебе плещется. Ощущаешь слабо и не измерял. Грубо, господин, очень грубо.

Я скрестил руки на груди.

– И как же это измерить? Ты знаешь?

– Знаю, – кивнул он. – Но скажу не сразу. – Увидев, как сжимаются мои кулаки, добавил: – Шучу, шучу. Камни магии, господин. В Миртане их делают орденовские артефакторы. Даёшь каплю маны – он показывает остаток. Простая арифметика. Но у меня таких камней нет, здесь, – он развёл руками и хохотнул. А ты, судя по всему, тоже не обзавёлся.

– Найду, – буркнул я. – Что ещё? Некромантия, говоришь, твой профиль?

– Мой, – в голосе Закира прорезалась гордость. – И не смейся. Некромантия – это не просто трупы поднимать. Это работа с плотью, с энергией смерти, с границей между живым и мёртвым. Ритуалы, алхимия, тонкое воздействие. – Он оглядел свои руки. – Сейчас я, конечно, пуст. Маны ни крупницы. Но знания остались.

– Если ты такой великий некромант, – я намеренно сделал паузу, – то что ты делал на страже богом забытой шахты? Не великовата ли должность для лучшего из лучших?

Закир посмотрел на меня долгим взглядом, и в глазах его мелькнула тень раздражения.

– Руда в той шахте непростая, господин. Из неё получается железо, годное и для мечей, и для доспехов. Варант не разбрасывается такими ресурсами. А я... – он скривился, – я был в опале. Временной. Неудачный эксперимент, несколько лишних трупов, донос от врагов... В общем, отправили подальше от начальства, на перевоспитание. – Он усмехнулся, но в усмешке чувствовалась горечь. – Думали, сгнию в этой дыре. Не учли, что я упрямый.

– И как, перевоспитали?

– Нет, – он развёл руками. – Сижу в клетке у мальчишки, который даже магический камень в руках не держал. Позор, конечно. Зато живой, – добавил он философски. – А живой – значит, ещё будет шанс.

Я хмыкнул. Что-то в этом старике начинало мне нравиться. Или, по крайней мере, вызывать уважение.

– Ладно, – сказал я. – Расскажи мне о Варанте.

Закир откинулся на подушки, и его лицо вдруг стало серьёзным.

– Варант... – эхом повторил Закир, и его взгляд на мгновение потускнел, словно старик попытался заглянуть в прошлое, увидеть то, что слишком дорого его сердцу.

Он замолчал, словно собираясь с мыслями, а затем начал говорить тихим, приглушённым голосом, словно читал древнюю летопись:– Варант, господин – земля песка и крови, колыбель воинов и магов, там, жизнь слабых, ничего не стоит, а за золото – можно купить всё.

Прежде чем наши племена оставили свой край на этой опалённой солнцем земле, прежде чем Варант, подобно исполинскому скорпиону, вонзил свои клешни в самое сердце пустыни, здесь обитали — Древние. Не народ, но видение, не империя, но мечта, сотканная из звёздной пыли и титанического мастерства.

Они не строили города, они высекали их из самой плоти земли, заставляя камень петь, а песок — раскрывать свои секреты. Их башни пронзали небеса, словно иглы, прошивая ткань реальности, а храмы пульсировали энергией, словно живые сердца, бьющиеся в унисон с ритмом этой земли. Они были бесподобными архитекторами, божественными кузнецами.

Они не просто владели знаниями кажется сами знания готовы были отдать им себя, без остатка и слившись в экстазе невероятных шедевров, что никто и никогда не смог бы повторить, бесконечно творить. Они читали звёздные карты, как страницы книг, управляли стихиями, как опытные наездники — болотными шныгами, и плели заклинания из чистой силы. Говорят, они научились обманывать смерть, переливая жизнь из одного сосуда в другой, и постигли тайны, которые лучше бы оставались неразгаданными. Их цивилизация была не оазисом, а миражом — манящим и недостижимым, словно обещание вечного блаженства.

Но даже миражи рассеиваются под палящим солнцем. Судьба, словно капризная богиня, играла с ними, даруя им величие, а затем отнимая его с жестокой грацией. Великое наводнение — не просто катастрофа, а апокалипсис, судный день, обрушился на головы гордых и самонадеянных. Воды взбесились, словно вырвавшиеся из заточения демоны, пожирая города и стирая границы между землёй и небом.

Шепчут, что это была расплата за дерзость, за попытку превзойти богов в их величии. Другие винят демиургов, пробудивших древние силы, спящие в недрах земли. Третьи твердят о проклятии, наложенном на Древних за их мерзости и злодеяния. Истина погребена под толщей песка, словно забытая могила, затерянная в лабиринтах времени.

Наводнение отступило, оставив после себя лишь руины — безмолвные свидетельства былого величия и предостережения о бренности всего сущего. Города превратились в призрачные тени, храмы — в кости ушедших богов, а знания Древних — в обрывки легенд, в эхо ушедшей эпохи. Цивилизация растворилась в песках, словно слеза, оставив после себя лишь бесценные осколки.

Пустыня, вечный страж, могильщик, поглотивший остатки их наследия, скрыв их под дюнами забвения. Суровая и прекрасная, она простирается во все стороны, словно бескрайний океан, где волны — дюны, застывшие в вечном движении. Ветер, неутомимый странник, лепит из песка новые формы, то обнажая, что было скрыто тысячелетия, то скрывая то, что было явлено.

Иногда в лунные ночи, когда пески светятся призрачным светом, можно увидеть очертания городов Древних, словно они пытаются вырваться из плена пустыни. Говорят, что в такие ночи можно услышать шёпот, рассказывающих о славе, падении и секретах.

Даже сейчас, спустя тысячелетия, можно наткнуться на их величественные города, погребённые под песками. Их руины — это не просто камни, а врата в иные миры, ключи к разгадке многих тайн. В их стенах можно найти артефакты невероятной силы: оружие, способное разрушать города, украшения, ослепляющие своей красотой, и свитки, содержащие знания, способные изменить ход истории.

Но эти сокровища охраняются не только песками, но и кошмарными созданиями, порождёнными тьмой. Твари из преисподней, словно воплощения самых мрачных кошмаров, бродят по старым руинам, охраняя покой мёртвых и не допуская, чтобы живые оскверняли их вечный сон. Их взгляд — проклятие, их прикосновение — смерть.

Сейчас этими землями правит султан Зубен великий, он мудр и справедлив, но жесток и беспощаден к врагам. Он собирает свободные города под свою власть, словно паук, плетущий свою паутину. И он правит ими железной рукой, принося порядок и процветание, подавляя всякое инакомыслие.

О, ты должен увидеть Мора-Сул, жемчужину Варанта! Город, где роскошь и нищета, красота и уродство переплетены в единый клубок противоречий. Его дворцы, украшенные золотом и драгоценными камнями, возносясь к небесам, а его рынки кишат торговцами и нищими, ворами и гадалками. Прекрасно.

Ох, да... И арены Бакареша, где воины сражаются за славу и богатство. Зрители, словно стая голодных гиен, жаждут крови и зрелищ. Каждый поединок — это танец смерти лучших воинов, где каждое движение — это риск.

А Иштар, город красавиц, чья красота пленяет и завораживает. Ты бы их видел, их глаза — это зеркала, отражающие самые сокровенные желания, а их улыбки — это обещания вечного счастья. Их танцы — это наркотик для твоих глаз, а их песни — это призыв к вечной любви.

Варант — это не просто земля, это состояние души. Это место, где прошлое встречается с будущим, где легенды становятся реальностью, где мечты сбываются и разбиваются вдребезги. Это шёпот демиургов в дюнах забвения, который никогда не утихнет. Вот что такое Варант.

— Хорошо, я понял, — произнёс я, и эти слова прозвучали как-то отстранённо, словно донеслись издалека. Внутри меня зрело странное чувство — будто я долго плыл по течению, а теперь вдруг ощутил дно под ногами. Будто просыпаюсь после слишком долгого сна, и реальность медленно, но, верно, возвращает меня в свои объятия. — На этом всё.

С каждой секундой окружавшее меня, мой мир грёз, становился менее плотным, менее реальным. Шатер, клетка, Закир — всё начинало меркнуть, терять очертания, словно акварельные краски, размытые потоком воды. Даже ощущение собственной телесности становилось всё слабее, словно я постепенно растворялся в окружающем пространстве.

В голове пульсировала мысль: «Пора возвращаться». Неясное, но настойчивое чувство звало меня обратно, в реальный мир, туда, где есть боль, страх, радость, любовь — весь спектр человеческих эмоций, которых я был лишён в этом искусственном раю.

Я попытался сосредоточиться на чём-то конкретном, ухватиться за какую-нибудь деталь, чтобы задержаться здесь ещё хоть на мгновение. Но тщетно. Всё ускользало, рассыпалось на частицы.

Я начал чувствовать своё болящее тело, лежащее в забвении. Я ощутил слабые, но настойчивые импульсы, идущие от занемевших конечностей и нервных окончаний. Тело звало меня обратно, нуждалось в управлении.

Я сделал глубокий вдох, словно собираясь с силами перед прыжком в бездну. А затем... отпустил всё.

Я перестал сопротивляться неизбежному, позволил себе полностью раствориться в надвигающейся, хм, стене, материи или чем то неопишемом. И в этот момент я почувствовал,

как меня с невероятной силой вытягивает из этого искусственного мира. Словно я — пробка, вылетающая из бутылки шампанского.

Всё закружилось, смешалось в калейдоскопе цветов и образов. Звуки, запахи, ощущения — всё слилось в единый поток, несущий меня в неизвестность.

А затем... тьма. Глубокая, всепоглощающая тьма. Но эта тьма была другой. Она не была пустой и безжизненной. В ней чувствовалась энергия, жизнь, потенциал. Это была тьма, предвещающая рассвет.

Марик. Тёплая встреча

К поместью лорда Гретира, охотник, смог дотащить раненого юношу только к концу дня. Спина болела так, словно её переехали телегой, руки отказывались сжимать толстый ворох связанных веток, служивших импровизированными волокушами для парня. Но вот лес закончился, и он вышел на простор. Ещё немного, и на границе полей, огороженных плетёной изгородью из ивовых прутьев, за которой уже пробивалась первая зелень пшеницы, Марик увидел группу местных детей, увлечённо игравших в догонялки.

– Детки, нужна помощь! Скорее! – гаркнул охотник натренированным командным голосом, замахал рукой и устало остановился, прислонившись к ближайшему дереву. Сердце бешено колотилось в груди, ноги подкашивались, но он был рад. Смог. Вытащил. Теперь успеет. Марик с облегчением наблюдал, как рыжеволосый мальчуган, явно старший из сорванцов, отдавал какие-то указания двум девочкам помладше. Те вместе с ещё одним мальчиком лет семи-восьми быстро засемили в сторону деревянных построек поместья. Трое мальчишек постарше бросились навстречу Марику.

Воздух был насыщен ароматами свежей травы, сочной зелени, свежей весенней листвы, по округе разносились радостные трели птиц, уже забывших о холодных зимних ветрах. Густо пахло тёплой землёй, недавно вспаханной крестьянами. Марик глубоко вздохнул, ощущая, как живительная сила природы наполняет его уставшее тело. Он взглянул на закатное небо, окрашенное в багряные и золотые тона, и тихо прошептал:

– Спасибо тебе, Аданос.

Но почему?... Опустив взгляд, старик заметил, что спешившие к нему дети внезапно остановились как вкопанные и что-то отчаянно кричали ему. Но слабый ветерок, приятно обдувавший его лицо, и гулкие удары сердца, от усталости отдававшиеся в ушах, заглушали их тонкие голоса.

Однако тело старого, опытного охотника, пожалуй, самого опытного во всех окрестностях Гельдерна, среагировало само. Инстинкт, отточенный годами жизни в дикой природе, подал тревожный сигнал. Что-то было не так. Что-то надвигалось. И это что-то было смертельно опасным.

Марик среагировал мгновенно. Со скоростью атакующей гадюки, он развернулся лицом к лесу, сорвал лук с плеча и выхватил стрелу из колчана. Одно отточенное движение — и он уже стоял в боевой стойке, готовый стрелять. До леса, из которого он только что вышел, было не больше двухсот шагов, но волкам, судя по всему, времени хватило, чтобы преодолеть почти половину пути. Этих голодных, грязных тварей было шестеро.

В голове Марика, словно искра, вспыхнула мысль: «Демоны меня побери, я не хочу неделями выслеживать их по лесам. Нужно бить по дальним.».

Выстрел. Ещё выстрел. Его руки не искали стрелы в колчане, они действовали на автомате. Десятки тысяч выстрелов, сделанных в лесах и горах, отточили навыки до совершенства. Тело работало как единый отлаженный механизм, быстро и чётко. Краем глаза Марик увидел, как дальний хищник рухнул, пронзённый стрелой навывлет. Две другие стрелы, словно смертоносные кометы, неотвратно приближались к своим целям, чтобы раз и навсегда оборвать их нить жизни. Выстрел, мгновение, жалобный предсмертный скулёр.

Пятнадцать шагов... и в живых осталось всего двое. Выстрел. Глухой удар. Волка отбросило в сторону, как тряпичную куклу. Скорее всего, прямое попадание в череп.

Снова натянуть лук он уже не успевал. Слишком близко. Последний волк, вожак, наступал стремительно. Марик вытянул вперёд левую руку навстречу последнему хищнику, летев-

шему на него в отчаянном прыжке, стремясь всей своей звериной сущностью вцепиться жертве в горло.

“Хрен тебе, а не моя глотка, тварь!”

Крага на левой руке, сделанная из толстой шкуры чёрного варга, надёжно защищала руку от клыков. Волк не сможет разорвать вены и сухожилия хоть и сдавил чертовски сильно. Марик, используя инерцию зверя, буквально втолкнул ему предплечье в пасть. Но масса огромного волка оказалась слишком велика. Зверь сбил старика с ног и впечатал спиной в просёлочную дорогу. Мощные рывки зверя не давали опомниться, огромная пасть до хруста сжала крагу едва не ломая кости. Но Марик наконец смог высвободить свой большой охотничий нож и с силой нанести удар. Ещё удар. И ещё... Огромный волк обмяк, и лишь предсмертные конвульсии сотрясали его огромное тело.

Здоровенная скотина. Под семьдесят кило. Чуть руку не оторвал, тварь.

– Эх! – Марик с трудом упёрся ногами в землю, пытаясь столкнуть с себя мёртвого зверя. Он услышал, как по дороге к нему приближаются быстрые шаги. Топот маленьких ножек, словно барабанная дробь, возвестил о приближении юных спасителей. – Ох и храбрецы. Бежать нужно было не ко мне, а от меня, глупцы, – пробормотал старик, с трудом переводя дыхание. – Чудом же справиться!

Марик упёрся ногами в землю, пытаясь сдвинуть тяжёлое тело зверя в сторону, но руки скользили по окровавленной шерсти.

– Нет, ну молодцы, конечно, но пару затрещин не помешало бы дать, – пробормотал он себе под нос, готовясь отблагодарить юных героев за их храбрость.

– Ого! – громко воскликнул рыжий паренёк, даже не успев затормозить перед Мариком. – Ондохлый, этот волчара! Здоровенный такой! Вы его что, ножом?

Эмоции и слова, льющиеся из уст паренька непрерывным потоком, не давали старому охотнику собраться с силами и наконец избавиться от тяжёлой туши волка, придавившей его к земле. Кровь, хлещущая из ран хищника, заливала шерсть, и руки то и дело соскальзывали, не давая как следует ухватиться.

– А ну, охламоны, помогите! – рявкнул на них дед и с упрёком посмотрел на рыжего мальчугана.

Его словно ушатом холодной воды окатили. Нервно дёрнувшись, он подскочил к Марику, и совместными усилиями, с помощью трёх мальчишек и охотника, они всё-таки оттащили огромную тушу волка в сторону.

Тут же паренька снова прорвало:

– Мы не охламоны, дяденька! Вот, я – Михель. Тот мелкий – Яру. А он, – мальчик указал на чернявого парнишку лет девяти-десяти, – Гитлин. За помощью уже послали. Сейчас быстро...

Позади черноволосый парнишка, присев на корточки и заглядывая убитому зверю в пасть, бормотал, как удивлённый филин:

– Ого-го... Как же... Ничего себе клыки!

А чуть поодаль худой, низкорослый на вид мальчик лет восьми с крайне озадаченным видом произнёс:

– Вы ведь охотник, да? А мы вас ещё с обеда ждём. А кто это там – на волокушах? Нам сказали, что вы будете один! Ловко вы их... Научите?

Не обращая особого внимания на возбуждённый галдёж мальчишек, Марик с трудом поднялся на ноги, осмотрел руки на наличие ран, поправил крагу, как-то по-стариковски крикнул, вытащил нож, застрявший по рукоять в туше волка, подошёл к его голове, взял по удобнее и негромко заговорил. Мальчишки тут же затихли, прислушиваясь к каждому слову охотника.

– Научить, говорите? Научу... Но пока – этому.

И принялся к работе.

– Главное – не сломать их. Поставь нож примерно посередине зуба, у самой десны. Нашу-пай кончиком лезвия место, где клык соединяется с костью. Здесь основание. И, как рычагом, поддень его. Клыки есть у волков, варгов, глорхов и мракорисов. Они ценятся как охотниками и кузнецами, так и алхимиками и просто коллекционерами.

Клык тем временем оказался у Марика в руке.

– Попробуй сам! – Марик протянул нож Михею. Тот аж подпрыгнул от предвкушения.

Через пяток минут слегка треснувший волчий клык лежал у него на ладони. Затем настала очередь Яру. За ним и Гитлин опробовал навык вырезания клыков. Стоит ли говорить об эмоциях и гордости, написанных крупными буквами на лицах мальчишек.

Пока Марик обучал сорванцов искусству извлечения клыков, из поместья лендлорда Гретира наконец-то подросла подмога. Время, словно подгоняемое огненным ящером, закружилось в вихре суеты и забот. Когда они устроили раненого, сняли трофеи с убитых волков и устроились на ночлег — благо, лендлорд помог с этим, разместив охотника в своём доме, а раненого у знахарки — наступила поздняя ночь.

Старик долго не мог уснуть. Мысли роем кружились в голове, не давая покоя. Что делать с найденным парнем? Сколько потребует местная травница за целебные настойки и припарки? Во что ему обойдётся перевозка раненого обратно в деревню? Впервые в жизни Марика, отнюдь не отличавшегося особым человеколюбием, не мучил вопрос «Стоит ли вообще помогать?». Где-то глубоко в душе росла надежда, что этот юноша, брошенный кем-то в лесу на верную смерть, заменит ему так и не созданную семью. Станет если не приёмным сыном, то кем-то близким, родным человеком, который впитает в себя опыт нескольких десятилетий его ремесла. Тем, кем охотник сможет гордиться на склоне лет.

Мысли скакали, путались, накладывались друг на друга, вытесняя сон, который пришёл только с первыми лучами солнца.

Утром охотник чувствовал себя на удивление отдохнувшим. Наскоро перекусив, он отправился проведать раненого. По пути к глинобитной избе Марты - травницы по совместительству и знахарки всех окрестных деревень, где вчера оставил своего подопечного, Марик увидел во дворе вчерашнего мальчишку Яру. Крайне гордый собой, он что-то увлечённо рассказывал своим друзьям, активно жестикулируя. А поверх рубашки, на самом видном месте, красовалось ожерелье из синих речных ракушек, в центре которого висел тот самый, вчерашний, добытый им, Яру, огромный волчий клык.

— Щегол! — усмехнулся про себя Марик, проходя мимо как можно быстрее, надеясь, что сорванцы не заметят его и не начнут приставать с расспросами. — Когда только успел смастерить? Наверное, всю ночь ковырял, маминой иголкой, дырки. Ох, и влетит ему потом за затупившийся инструмент...

Размышляя об этом, Марик и не заметил, как добрался до хижины знахарки. Та с крайне задумчивым видом сидела на потемневшей от времени скамье, уставившись в землю, и не прекращая мять в руках листок какой-то травы.

– Что случилось, Марта? – тревогу в голосе старика было трудно не заметить. Сердце неприятно кольнуло в предчувствии беды.

Травница вздрогнула, словно очнувшись от глубокой задумчивости, помолчала пару мгновений, не прекращая мять уже порядком подтрёпанный лист.

– Странно, Марик. Очень странно! – наконец вымолвила она, поднимая на него встревоженный взгляд.

Последовала ещё пара долгих мгновений тягостного молчания. Старик не торопил, но было видно, что его терпение на исходе.

– Этой ночью за твоим другом присматривала моя ученица Лия, – наконец начала Марта, – и примерно в полночь она подняла тревогу. Парню стало совсем плохо. Он был холодным,

весь в поту, дышал прерывисто. Мы пытались влить в него лечебную эссенцию, но... – Марта замолчала, словно не решалась произнести страшные слова.

Марик, словно подкошенный, рухнул на скамью рядом с травницей и машинально потёр шею.

Знахарка продолжила, глядя куда-то в сторону:

– Понимаешь, Марик, он был мёртв. Совсем мёртв. Не дышал, сердце не билось, тело было расслаблено, как тряпичная кукла. Стали проявляться первые трупные пятна. Мы даже накрыли его простынёй. Но пока мы прибирались, убрали снадобья и прочие уже ненужные вещи, начало светать. И вдруг... крик! Такой утробный, мучительный крик, что душу выворачивает наизнанку! Моя помощница тут же упала в обморок прямо там, где стояла. У меня ноги подкосились. Ну, думаю, всё... Отродье Белиара ты нам притащил, гад старый! Схватила подвернувшийся под руку серп, подковыляла на негнущихся ногах к этому... (короткое молчание)... значит, отродье. Сдёргиваю ткань, а он весь светится, как уголь в печи, и глаза открыты. Бубнит что-то на тарабарском, хрипит, корчится весь. А потом как заорёт, будто его кипятком ошпарили! А я стою, не могу ни вперёд, ни назад, словно корни пустила в пол. Перепугалась так, как за всю свою жизнь не пугалась. Этот вроде затихать начал. Думаю, всё... превратился в зомби... или в зомбю, не знаю, как правильно. Сейчас вскочит и сожрёт меня, гадина проклятая! Схватила свои кости да девку мою, помощницу, под мышку и к выходу. Мелкая, худющая, а еле вытащила. Сердце то к заднице от страха подскочит, то к горлу подберётся! О-о-о-о-ох, натерпелась, батюшки! Дверь подпёрла чем попало, Лийку в тень положила, сама присела рядом, думаю, отдышусь маленько да к старосте побегу. Надо же что-то решать с твоим мертвяком, пока он силу не набрал...

Марик аж вскочил от этих слов:

– Мертвяком?! Что ты мне голову морочишь, землеройка! Или я не знаю, что для перерождения нужно время? Тело не может сгнить за ночь! А пока тело цело и дух в нём крепко сидит, никакая некромантская пададь его не поднимет!

– Да сядь ты, старый дурень. Много ты в магии Белиара понимаешь! – Марта сморкалась как от кислоты, помолчала пару мгновений, стараясь успокоиться, и продолжила: – Знаешь... Мы с тобой вместе воевали в рядах Робара, там, помню и познакомились. А до того я с десятков лет лечила людей и скот. Сотни людей прошли через мои руки! И не один десяток отправилась на тот свет от ран или болезней каких! Всяких смертей навидалась! Были и такие, что после смерти вставали. Но те всегда начинали гнить ещё при жизни, да. Проклятие какое-то их ело, не иначе! Да и каждому требовалось разное время для обращения... Кому неделя, кому две... Но, согласна с тобой, за ночь?! – Она посмотрела Марику в глаза. – Помнишь то старое кладбище, которое стояло ещё с каких-то непонятных времён? И которое пришлось упокоить там барону с магами... Во-о-о-т! – протянула старуха. – Я тоже видела таких красавцев. Но чтобы такое... – Она развела руками, показывая, что у неё просто нет слов.

– И что ты предлагаешь? – нахмурившись от неприятных воспоминаний, хрипло спросил бывший солдат. Сдать его магам? На опыты?

– А что ТЫ предлагаешь? Мы не знаем, что это. Почему он ожил? Он был мёртв! Это точно! И долго! Но ожил... Нет, такого не бывает! Не бывает ни-ко-г-да! – с нажимом повторила она. – Повторить тебе, старый дурак? НИКОГДА! – тревога, возмущение и неуверенность знахарки буквально сочились из каждого её слова.

– Я посмотрю, что там. В случае опасности... – после небольшой паузы Марик добавил почти шёпотом, обнимая Марту за плечи: – Я смогу его убить!

– Он совсем другой. Я сразу это почувствовала... Будь осторожен... – глядя Марику прямо в глаза, предостерегла его немолодая женщина.

– Эх... Совсем молодой парень. Он должен был жить! – перебил её охотник, словно пытаясь заглушить собственные мысли.

– Почему он так важен для тебя? Не припомню, чтобы ты был так привязан хоть к кому-то... – Марта слегка усмехнулась, стараясь разрядить напряжённую ситуацию.

– Совсем ни к кому? – Марик игриво подмигнул знахарке, встал со скамьи и направился к двери, начав разбирать баррикаду, подпиравшую вход в дом.

Через пару минут Марик уже был внутри дома знахарки. Крепкая рука сжимала старый волчий нож, охотник был готовый к смертоносному броску. Белая наволочка лежала на полу, там же, где знахарка сорвала её в порыве страха. В лучах солнца, пробивавшихся сквозь щели в ставнях, плясали пылинки, создавая призрачный ореол вокруг лежащего на столе парня.

Именно там, где он и был оставлен накануне.

Грудь вчерашней ноши мерно вздымалась. Он дышал. Охотник осторожно подошёл к нему, держа нож наготове, чтобы быстро нанести смертельный удар резко, без замаха. Прикоснулся к руке. Тёплая. Удивлённый Марик нащупал пульс. Есть.

– Чёртова землеройка! Совсем сума тут сошла! Ошиблась?! – пробормотал старик себе под нос и рявкнул во всю глотку: – Марта, зараза, иди сюда! Он живой!

Парень слегка дёрнулся от громкого звука и попытался повернуться на бок, но не смог и лишь тихо застонал. Было видно, что рана аккуратно зашита. Узкое пятно крови на повязке говорило о том, что всё идёт хорошо.

Марта с круглыми от удивления глазами, явно опасаясь, медленно подошла к столу. Осмотрела пострадавшего, хмыкнула, проделала ещё какие-то манипуляции. Что-то бормоча себе под нос, пошарила на полках, достала красный пузырёк, перевязанный синими нитками, явно что-то символизирующими, влила парню в рот немного содержимого и только тогда обратилась к Марику.

– Невероятно! Просто невероятно... Я думаю, нужно сообщить об этом магам. Я никогда с таким не сталкивалась и даже не слышала ни о чём подобном. Воскрешение... Просто невероятно...

– Даже не думай. Я не позволю сделать из парня подопытную крысу! – фыркнул охотник с металлом в голосе.

– Но мы даже не знаем, что это такое и к чему это может привести! – нахмурилась Марта, чувствуя, как надвигается беда.

– Будь добра, Марта... – умоляюще произнёс старик.

– Идиот! – с каким-то задором в голосе перебила его знахарка. – Мне интересно, как ты будешь всё это разгрести... – И, смягчившись, добавила: – Дай ему отлежаться три - четыре дня, после чего он хотя бы не помрёт у тебя в дороге. Ещё раз не помрёт! И Лие что-нибудь купи, девчонка сильно перепугалась. – Она покачала головой и тяжело вздохнула. – Поговорю с ней, чтобы не болтала ...

– Спасибо, Марта! – Марик улыбнулся, чувствуя, как груз сваливается с его плеч.

– Должен будешь! – ведьма прищурилась и с каким-то бесовским азартом стрельнула глазами в сторону Марика, явно что-то замышляя. – Ах да, поживёшь у нас, пока не заберёшь своего, этого... – добавила она, не оставляя ему выбора.

Три дня пролетели как один. С волками было покончено, но оставалась проблема транспортировки больного. Получив двадцать серебряных монет за убийство хищников, собрав и обработав трофеи, Марик отправился к Гретиру, чтобы предупредить его о возможных проблемах с орками и попросить у него вола с телегой. Особых проблем не возникло, хотя и пришлось отдать две серебряные монеты в качестве задатка и одну волчью шкуру лендлорду за повозку и вола. Лия в подарок получила яркий платок, от которого пришла в восторг. А Марта каждый день охала и ахала, поражаясь скорости заживления ран у юноши.

Закончив с рутинными делами, Марик на целый день ушёл в лес за так любимой Мартой травой — царским щавелем. Пришлось забраться в самые дебри. Старик уже было отчаялся, но удача наконец сжалилась над ним, и он всё же нашёл один цветок.

Лия. Странный чужак

Шёл четвёртый день лечения этого странного парня. Лия после той кошмарной ночи ужасно боялась оставаться наедине с незнакомцем. Она даже подумывала бросить обучение знахарскому делу. Слишком страшно! Но Марта, строгая наставница, требовала, чтобы ученица прогоняла из себя страхи, связанные с лечением больных. Она сказала, что сегодня вечером Лие придётся одной присматривать за подопечным, потому что им с Мариком приспичило куда-то сходить. Вот же засада!

Уже совсем стемнело, когда пришло время её смены. Ноги подкашивались от страха, а в животе порхали перепуганные бабочки. Перспектива провести ночь наедине с ожившим, да ещё и в тёмной комнате, совершенно не прельщала.

Конечно, Лия подумывала бросить учёбу. Но потом представляла себе перспективу всю жизнь работать в поле, гнуть спину над сорняками и чесать баранов. От одной этой мысли мурашки бежали по коже. Нет уж! Уж лучше с мертвецами! Да и знахарка ей очень нравилась. Марта заменила Лие мать, которую она даже не помнила. По словам наставницы, она учила её уже восемь лет. А всего Лие было около четырнадцати. Совсем взрослая, вон пара подружек уже и женатые ходят!

Девушка зажгла пару свечей, чтобы в комнате стало светлее и уютнее. Разожгла камин. Ночи, несмотря на середину весны, всё ещё были достаточно прохладными. Затем неуверенно села на стул и задумалась, исподтишка поглядывая на парня, лежавшего на столе.

Чернявый, среднего роста, худющий, на вид лет шестнадцати-семнадцати... Он ей нравился. Нет, правда. У него были красивые черты лица, густые ресницы и жилистые руки. Но она отчётливо чувствовала, что он чужой. Совсем чужой. И это пугало её всё сильнее.

Девушка тряхнула головой, отгоняя глупые мысли. Она встала, подошла к подопечному, осмотрела почти затянувшуюся рану и, пересилив страх, нежно погладила его по длинным волосам.

Вдруг парень открыл глаза. Впервые за все четыре дня.

Девушка взвизгнула, как будто её ужалили, и отскочила в сторону изо всех сил. Но не рассчитала расстояние и по пути зацепилась за массивный табурет. Вместе с ним она рухнула на пол с таким грохотом, что, казалось, задрожали стены.

В испуге она подняла глаза на парня, встретила с ним взглядом. И увидела... крайне удивлённый взгляд с не менее недоумевающим выражением лица. Он смотрел на неё так, словно она была самым странным существом, которое он когда-либо видел в своей жизни. И в этот момент Лия почувствовала, что страх отступил. Его место заняло любопытство. И ещё... что-то другое. Что-то новое и неизведанное. Что-то, что заставило её сердце забиться чаще.

Главный Герой: Пробуждение

Не знаю, сколько я пролежал без сознания. Но отлежал себе всё, что только можно. Пробуждение совпало с ощущением, что кто-то гладит меня по голове. Интересно, кто это?

Открыл глаза. Вокруг мрак, едва разгоняемый пляшущим пламенем свечей. Что, уже хоронят? Хрен вам! Я ещё жив!

— А вот я бы на твоём месте не спешил радоваться. Живой — это когда тебя не пытаются заживо закопать. А тут... погляди на эту обстановку. Может, они просто ждут когда ты в себя прейдёшь, перед главным ритуалом? Я слышал, в некоторых культурах... — бубнил Закир.

— Заткнись, — цыкнул Гед мысленно.

Надо осмотреться. Деревянный потолок, сколоченный на скорую руку. Камин, сложенный так грубо, что даже дилетант покраснел бы от стыда. Скамейки, сделанные так топорно, что, если на них сядет слон, он не только занозит зад, но и не сломает их. Везде пучки трав, баночки, керамические пузырьки, аккуратно расставленные на полках. И стоит молоденькая девушка, рассматривает, любитесь.

Я хотел спросить что-то вроде: «Дамочка, что вы там потеряли?», но она вдруг подняла глаза, и наши взгляды встретились. И... каково же было моё изумление, когда она с визгом отскочила от меня, снося при этом и скамейку, и табурет. Не хило так шлёпнулась на пол с громким шлепком и последующим грохотом. Уставилась на меня ошалелыми глазами.

Я смотрел на эту взбалмошную девицу, открыв рот. Изумительная манера знакомиться, скажу я вам! Ещё пара таких знакомств, и кто-нибудь точно кони двинет. Но в таких случаях нужно что-то говорить. Наверное. В голове что-то не складывалось, и я не нашёл ничего умнее, чем:

— Здравствуй, красная девица! — от моих слов глаза сумасшедшей округлились до изумления.

— Здравствуй, — как-то опасливо ответила мне девушка. — И вовсе я не красная!

Решил наконец-то сесть, а то я окончательно отлежал себе спину, я с громким хрустом во всех костях, охами и парой нецензурных выражений всё же смог это сделать. Краем глаза заметил, как девушка, вжавшись в стену и всё шире и шире раскрывая глаза (хотя, казалось бы, куда уж шире), наблюдала за мной.

Посмотрел на руки, на ноги, да и вообще, осмотрев себя, окончательно убедился, что очередного переселения душ не произошло, и это моё тело. Ну, уже моё. Очень интересно: почему эта девица так меня боится? Розовый шрам через всю грудь я, конечно, тоже заметил. Уж не проводили ли здесь... А здесь — это где? Ну да ладно, потом узнаю. Какие-то опыты... Так, нужно что-то предпринять. Пока разомну тело. Аккуратно, чтобы не беречь рану, похрустел спиной, подвигал ногами, руками, размял шею, покрутил головой.

— Тебе нельзя пока так делать! — с тревогой в голосе выпалила девица.

— А она права, — тут же встрял Закир. — Ты, конечно, герой, но герои, которые игнорируют советы врачей, обычно становятся трупами. Проверено. Не раз.

— Сам решу, отвали! — отмахнулся я.

— Тебя принесли умирающим, и ты ещё не успел восстановиться! — Девушка с ужасом наблюдала за тем, как я встал с кровати без посторонней помощи и начал делать странные движения. А после и вовсе, как ни в чём не, бывало, поплёлся куда-то.

Так, баночки... Что в них? Решив разрядить обстановку и хоть что-то узнать об этом месте, я осторожно, держась за стену, подошёл к стеллажу и спросил девушку:

— Ты кто?

– Я Лия! – слегка дёрнувшись, произнесла девушка.

– Что ты со мной делала? – требовательно спросил я.

– Лечила! – испуганно пролепетала она в ответ.

– От чего? – я немного повысил голос, чувствуя, как злость начинает подниматься изнутри.

– Тебя орк дубиной... Марик дотащил... Но ты умер... Потом ожил... Долго спал... И вот! – выпалила девушка на одном дыхании, вжавшись в стену и явно паникуя. – Кто ты такой?

Закир в голове присвистнул:

– Умер и ожил? И ты ещё жалуешься? Парень, это лучшая рекомендация, какую только можно получить для того, чтобы оказаться на разделочном столе у магов, в качестве подопытного. Я бы на твоём месте гордился. Ну, или попросил добавки. От орка.

Так, орк, дубина, Марик, умер, ожил, спал... Повторил я про себя, уже не обращая внимания на подтрунивание старого маразматика. То, что умер и ожил, — понятно. Читали, знаем, похоже клиническую смерть пережило тело, пока я в своём сне балагурил. То, что спал, — хорошо. Орк — здоровый, зелёный, сильный — знаем. Не в пещере жил в том мире, кампик был, в Варкрафт и прочее играл. Марик нашёл, притащил, помог — понятно. Меня лечат — ясно. Зла пока не буду делать, но и особо не буду верить. Хм. Что ей ответить?

– Ну, я человек... – неуверенно произнёс я вслух, наблюдая за реакцией девушки.

Впервые на её лице появилась хоть какая-то слабая улыбка. Она перестала вжиматься в стену, словно почувствовав, что я не представляю для неё непосредственной угрозы.

– То, что ты человек, я вижу, – сказала она с некоторым облегчением. – А как тебя зовут?

Я хотел было выпалить своё имя, мол крысёнышем меня кличут, но вовремя остановился. Так, надо притормозить. Скажу что-нибудь не то, и начнут допытываться, а я хрен его знает где, может в поселении рядом с шахтой подконтрольном эти как их, ассасинам... Не-а-а-а! Да и в баночках чёрт-те что: какие-то жабы, части тел... Вон требуха какая-то настаивается! Пожалуй, нужно разыграть потерю памяти... Театральная пауза есть, задумчивый вид, присутствует, поехали...

– Э-э-э, – я запнулся, изображая растерянность. – Я не помню... Ничего не помню... Где я сейчас?

– Ох, гениально, – ехидно прокомментировал Закир. – Потеря памяти. Классика. Теперь главное — не переиграть. А то начнёшь спрашивать, как тебя зовут, и они решат, что у тебя не только память, но и разум отшибло. Хотя... судя по твоим решениям...

– Я тебя слышу и ты мешаешь! – рявкнул я в глубины своего разума, – отвали.

Девушка отошла от стены и начала с криком подниматься с пола, потирая сильно ушибленную, симпатичную попу.

– Ты в поместье лендлорда Греттира, – ответила она, немного успокоившись. – Сейчас ты в доме ведьмы - целительницы Марты. Не бойся, тебе здесь ничего не угрожает.

– Ведьмы? О-хо-хо! – вырвалось у меня.

Закир зашёлся в беззвучном хохоте:

– Ведьмы! О-хо-хо! Слушай, если она решит, что ты — подходящий ингредиент для зелья, я буду наблюдать из первого ряда. И не говори, что я тебя не предупреждал.

– Попал! Что делать дальше? Лорд Греттир... Значит, феодально-сословный строй всё-таки... Хреново, совсем хреново! Если, конечно, я не феодал. А судя по моим рукам и тому, что я вот вот выдрался из проклятой шахты, явно не феодал. Вон, одни мозоли. Так - так, что я знаю о феодальном строе? Вроде бы три сословия: первое — феодалы (герцоги, графы, рыцари и бароны). Все они воюют и служат королю. Второе сословие — духовенство. Ведьмы явно не могут быть в духовенстве... Или могут? Вот зараза! И третье сословие — трудящиеся (крестьяне, разнорабочие, торговцы и ремесленники), чья главная обязанность — кормить

другие сословия, не имея при этом ни прав, ни свобод. Да, погано. Ладно, всё это потом... нужно сменить тему, что-то спросить, иначе точно спалюсь... – пронеслось у меня в сознании.

Лия по-своему истолковала моё удивление и долгое молчание. Быстро поставив табурет и скамью на место, она сказала:

– Не надо бояться Марту. Она добрая. Я её ученица. Она вылечила тебя, хотя никто не верил, что у неё получится. А про потерю памяти она мне рассказывала. Такое бывает, когда сильно болит голова. Бывает, что память возвращается, а бывает, что нет. Завтра Марик хотел отвезти тебя к себе, в деревню Нейс. Там у него дом.

– Почему Марик решил обо мне позаботиться? – спросил я, стараясь привыкнуть к везде болящему телу и разминая затёкшие суставы.

– Не знаю... – Лия пожала плечами, копаясь в маленьких склянках с микстурами. – Вы чем-то похожи, но при этом очень разные. Такое ощущение, что тебя принесло откуда-то изда-лека... Возможно, даже из другого королевства...

– Расскажи мне об этом королевстве. Как здесь живётся? «Как к вам относятся графы и бароны?» —спросил я, наблюдая за её манипуляциями с травками и пузырьками. Миртана или Варант... куда меня занесло? Надо разузнать побольше.

Девушка усмехнулась и начала рассказывать:

– Ты совсем ничего не помнишь, да? Наше королевство называется Миртана. Им правит очень мудрый и справедливый король Робар II. Не так давно мы воевали с Варантом, а потом пережили два или три голодных года. Я уже и не помню, когда начались неурожаи: то засухи, то ливни, уничтожающие весь урожай. Такое ощущение, что так было всегда. А ещё последние три зимы были очень суровыми. Таких морозов не видели даже на самом севере королевства, только в Нордмаре. По крайней мере, так говорит Марта. Но в этом году у нас очень ранняя весна, и старики говорят, что все беды наконец отступят. И слава Иносу! Так много смертей, несчастье пришло в каждую семью. Даже отец короля Робара II не смог пережить эти страшные годы.

Девушка всё рассказывала и рассказывала, словно боясь остановиться. А я стоял в полном шоке. Миртана, Нордмар, Варант, Робар II... Чёрт меня побери, до меня только сейчас дошло! Как такое возможно? Что мир компьютерной игры, в которую я... скажем так, играл очень давно, жив и живёт своей жизнью? Невероятно! А нашествие орков? Ох, если создатели игры в нашем мире не ошиблись и в этом! Пфффф... Да... Сколько времени осталось? Когда и будет ли вообще нашествие?

– Марта рассказывала, что Марик – один из лучших охотников, которых она видела. И что у него хороший, тёплый дом. Она говорила, что он даже смог в одиночку добыть мракориса! Он многому тебя научит! – Девушка говорила не унимаясь с каким-то упоением, не давая мне вставить ни слова. – А когда я тебя увидела, то сильно испугалась. У тебя были такие раны! А когда ты ожил... ох, я даже в обморок упала! Ха-ха-ха!

Лия ещё много чего сказала. А я всё глубже и глубже погружался в себя. Всё это невероятно. Так не бывает... Чёрт бы побрал этих коммунальщиков и их прогнившие трубы!

Внезапно снаружи послышались голоса. Лия, наконец-то прекратив свой безудержный рассказ, одарила меня широкой улыбкой, мягко подхватила под руку и, мягко, повела к двери. Она явно торопилась продемонстрировать всем мои успехи в выздоровлении, но каждый шаг давался мне с ощутимым трудом. Ноги заплетались, в голове гудело, но спорить с этой неутомной девчонкой не было никаких сил. Мы вышли на улицу как раз в тот момент, когда обни-мающаяся парочка подошла к двери.

– Ему ещё рано вставать! Куда ты его потащила, дурёха?! – тут же заворчала Марта, прищурив и без того раскосые глаза. В её голосе слышались забота и раздражение.

– Да у меня уже сил нет валяться! Всё в порядке! – взмолился я, стараясь не показывать, как сильно кружится голова. – Пройдусь немного, разомну кости. Чувствую, Лия меня в обиду не даст!

Марта посмотрела на Марика, округлив глаза, словно спрашивая: “Ты видел, что он вытворяет?!”

– Вот что я тебе говорила, – обратилась она к охотнику. – Ну, посмотри на него. Да, с его - то состоянием тела нужно месяц лежать в постели и истекать кровью, а он козликом скачет!

– Да ладно тебе, Марта! Пусть прогуляются, – вступился Марик, примирительно подняв руки. – Потом с ним посудачим. Лия, дай ему накидку, что ли. Тепло, конечно, но ветерок нехороший. Застудится, он ещё слаб. Давай, беги!

Девочка, словно стрела, юркнула обратно в дом. А на меня устремились два добрых, но изучающих взгляда. Было видно, что они предполагали, что я скоро приду в себя, но на их лицах читалось сильное и удивление от моей прыти.

– Лия, наверное, уже рассказала тебе, как ты здесь оказался, и кто мы такие, – начал охотник, внимательно следя за моей реакцией. – Давай теперь познакомимся. Я – Марик!

– А я – знахарка Марта! – подхватила симпатичная женщина, слегка усмехнувшись.

В этот же момент из дома выбежала девушка с плотной рубашкой в руках и принялась помогать мне её надеть. Голова и грудь всё ещё отзывались болью, поэтому, слегка поморщившись, я решил ответить на приветствие во время этой непростой процедуры:

– Я бы тоже хотел представиться, но, к сожалению, не могу. Ничего не помню... Даже своего имени вспомнить не могу. – Я попытался изобразить на лице растерянность.

Марта что-то шепнула своему спутнику на ухо и с хитрой улыбкой посмотрела мне в глаза.

Меня аж пот прошиб. Хорошо, что Марик не дал мне наговорить лишнего.

– Ну да... Ну да... Тебе виднее, – пробормотал он, легко похлопал меня по плечу и направился в дом. – Прогуляйтесь, но недолго и только вокруг дома. Лия, девочка, постарайся пока не показывать юношу. Слишком много вопросов может вызвать его столь быстрое выздоровление!

После этих слов, сладкая парочка скрылась в доме, оставив нас с Лией наедине. Мы тихонько направились в сторону небольшого огорода, окружавшего дом.

И только сейчас, когда мы оказались вдаль от пристальных взглядов, я смог вдохнуть полной грудью! Чистейший, прохладный воздух, наполненный ароматами молодой травы и весенних цветов, мгновенно захватил мои обонятельные рецепторы. Щебетание птиц и шелест молодых, сочно - зелёных листьев вокруг. Как же хорошо!

– Так и будем молчать? – спросил я, стараясь придумать, какой вопрос задать этой словоохотливой девчонке. – Слушай, а расскажи мне о магии!

Девушка, явно ошеломлённая моей просьбой, недоверчиво покачала головой.

– Марта, конечно, учит меня, но я немного знаю о магии. Тем более, она запрещает раскрывать тайны. Это очень опасно!

– Хотя бы в общих чертах... – попытался я гнуть свою линию.

– Нет, нет и ещё раз нет! Мне потом голову оторвут! – Лия решительно замотала головой.

– Просто ты, наверное, совсем ничего не знаешь и стесняешься в этом признаться! – решил я сыграть на самолюбии совсем ещё юной, деревенской девушки.

– Это я - то не знаю?! – надула щёчки девушка, уперев руки в бока, словно собираясь идти в атаку. – Да я... – запнувшись от возмущения, – я даже мелкие царапины могу вмиг заживлять! – Она гордо выпятила грудь, демонстрируя свои скромные стати.

– Ну да, ну да! – отмахнулся я, отвернувшись, чтобы скрыть невольную улыбку. Всё-таки деревенская девчонка раскололась слишком быстро.

– Ах, так! – девушка надулась ещё сильнее, казалось, она вот-вот лопнет от возмущения.
– Марта говорит, что когда я вырасту, то буду очень сильной...

Девушка хотела что-то сказать, но я перебил её, не желая слушать пустые обещания.

– Это всё слова! А доказать сможешь? – поддел я её, стараясь спровоцировать.

– Давай я сейчас сделаю светлячка! – девушка, воодушевлённая перспективой доказать свои способности, остановилась и начала неловко размахивать руками в воздухе, пытаясь сотворить заклинание.

– Эй, эй, притормози! – испугавшись, что она сейчас натворит дел, я остановил её.

– Ага, сейчас ты им округу озаришь, а знахарка потом тебе шею намылит. И мне заодно! – выпалил я в спешке, схватив её за руку. Девушка прикрыла рот ладошкой, её глаза округлились и стали испуганными. Просто очаровашка, подумал я и продолжил, стараясь говорить как можно тише:

– Давай ты просто расскажешь мне в двух словах, не вдаваясь в подробности. Никто ведь не узнает, правда?

Девушка немного помедлила, бросив взгляд на дом, словно опасаясь, что Марта услышит разговор. Но любопытство и желание доказать свои знания пересилили страх, и она, понизив голос почти до шёпота, начала:

– Магия – это очень сложная наука. Марта рассказывала о многих её видах. Например, рунная магия. Она самая сложная, и, чтобы овладеть ею, нужно учиться в монастырях магов. Там, в монастырях, они остаются на всю свою жизнь, познавая тайны силы Кругов магии и совершенствуя свой дух. Кругов всего шесть, и чем выше круг магии, тем более могущественной магией владеет маг. Кроме того, рунная магия – самая быстрая, безопасная и мало затратная для резервов тела. Ведь для сотворения заклинания тебе нужно лишь передать часть своей силы, силе руны с вплетёнными в неё элементами, связанными между собой особыми чарами в особом месте на специальном столе. Секреты создания таких рун хранятся в монастырях под строжайшим секретом и никому не известны. Да и чтобы их использовать, нужно пройти ритуал познания Кругов магии с первого по шестой у высших магов монастырей. Там всё очень запутано, очень сложная защитная система, которую никто и никогда не смог взломать. И поэтому, и по многим другим причинам рунные маги считаются самыми сильными магами в нашем мире.

– Ещё есть древняя магия, – продолжила Лия, понизив голос до шёпота. – Она самая гибкая, но опасная и требует очень много сил. Чтобы её использовать, нужно знать особые слова и сплести их с помощью магии в символы, принадлежащие слову, в таком порядке, чтобы сотворить нужное заклинание. А потом силой или знаком подтолкнуть его в нужном направлении или привязывать к месту или объекту. В заклинании может быть два и более слов - символов, и чем больше слов, тем сложнее и энергозатратнее заклинание. Каждое слово - символ требует разного количества силы, и если маны в колдующем недостаточно для сотворённого им заклинания, то оно заберёт часть жизненных сил, а точнее, начнёт высасывать тело колдующего, вплоть до его испепеления. Это часто случается с новичками, желающими сотворить новое заклинание или особо, сильное колдунство или просто по ошибке связав известные знаки не в том порядке. Такой магией пользуются некоторые алхимики в своих целях, её применяют для написания свитков, наложения чар на кольца, амулеты, талисманы, оружие, доспехи, посохи, ловушки и многое другое. А ещё ею владеет Марта и учит меня. Я бы сказала, что это основная магия, из которой вышли все остальные.

– Так же есть магия свитков. – Лия вновь перешла на более оживлённый тон. – Это очень интересное ответвление магии, в котором в особо изготовленный лист бумаги, кожи, дощечки, камня, металла или чего-нибудь ещё вплетается заклинание. Потом вносится некий резервуар энергии и напитывается маной на семь восьмых частей, чтобы при внесении небольших сил от использующего свиток, заклинание сработало. В такие свитки можно записать любое заклина-

ние, но для особо сложных потребуется крайне редкий и, как правило, дорогой ингредиент для резервуара, в котором будет храниться огромное количество маны. Кроме того, по закону Миртаны на свитке должно быть написано на общепринятом языке, какое заклинание содержится в нём и сколько маны необходимо для его применения.

Я слушал и пытался запомнить, но Закир не унимался:

– Шесть кругов, руны, монастыри... Скука смертная. А ведь есть куда более интересные способы обрести силу. Например, заключить сделку с тёмным богом. Или поработить душу у сильного мага. Или... ну, неважно. Просто знай: эти их «круги» — для тех, кому лень думать своей головой.

– А твои способы привели тебя в мою голову, – осадил я некроманта.

Закир ответил с явной обидой :

– Кто ж знал, что ты такой непутёвый!

– А как вы определяете, сколько магической силы в человеке? – мне не терпелось узнать, насколько я силен, ведь о магии которой меня обучал старина Ольф, знаю хоть какие-то моменты.

– Ты и этого не помнишь? Да-а-а! Тебе придётся нелегко, пока память не вернётся, – девушка даже покачала головой, словно сочувствуя моей беде. – Единица измерения магической энергии в человеке, была вычислена придворным алхимиком Манайласом ещё во времена правления Робара, отца нашего короля Робара II. Примерно в то же время был изобретён рецепт Камня Магии, определяющего, сколько в тебе магических сил. Он работает очень интересно. Положив его на руку, нужно подождать некоторое время, пока он нагреется. После этого он вытянет из тебя четыре единицы маны и покажет оставшееся количество в виде цифры, состоящей из синих, искрящихся прожилок. Довольно быстро цифра исчезнет, и, если ты не успел её рассмотреть, придётся повторить действие.

Закир оживился:

– Вот видишь! А я тебе говорил про камни. И кто теперь старый маразматик? Запомни: камни магии — это хороший инструмент. Как только выберешься из этой дыры, первым делом найди такой. Или укради. Или... впрочем, у тебя неплохо получается находить полезное. Тот же я, например.

– Как правило, если ты не маг, то камень покупать не нужно, – продолжала Лия. Просто, хорошо выспавшись, подойди к любому алхимику, и он за две - три серебряные монеты сдаст тебе этот камень в аренду на один замер. После замера прибавь к цифре на камне четвёрку, и получишь свой запас маны. Постоянно колдующему или алхимику очень важно знать математику, чтобы, зная объём своей маны ты мог рассчитать какое заклинание ты сможешь сотворить, не навредив себе. Ну ладно, хватит о магии, тут и недели не хватит, чтобы обо всём рассказать, да и всего я пока сама не знаю. Так что пойдём в дом, нас, наверное, уже потеряли, — Лия обеспокоенно посмотрела в сторону дома.

Марик. Кто же этот парень

-Я занесу дров, вечерами ещё прохладно! - сказал Марик. По его взгляду было понятно, он крепко задумался о парнишке.

-Давай - давай, а то от твоего взгляда сейчас мои настойки прокиснут, - усмехнулась Марта.

Спустя недолгое время шуршания за окном, охотник, стариковски побряхывая зашёл в дом, вывалил у камина дрова и принялся подкидывать их в топку. Уже порядком поседевшие угли обняли свежие паленья и по дому начал разноситься чарующий звук потрескивающего дерева. Марик шумно подвинул скамью и уселся наблюдать за нитями дымка, уже начавшими своё заворачивающее плетение.

Ведьма видела, что друга тревожат недомолвки парнишки, но начинать этот разговор первой не хотела. Для виду подвигала склянки, повертела пару пучков прошлогодней сушёной травы в ступке, почесала нос... -травок заваренных будешь? -само как-то вырвалось у неё.

-Да! - всё думая о своём согласился Марик.

Какое-то время они провели в тишине, каждый занимаясь своим и думая о своём, но в какой-то момент из рук женщины, выскользнула деревянная кружка и плюхнулась об пол.

-Как думаешь, зачем он соврал? - начал Марик.

-Ну-у ...- протянула колдунья, - кто ж его знает. А я тебе сразу сказала, он чудной и совсем не наш. Недалёко тут граница с Варантом и частенько бывают здесь соглядатаи ихненские, а граница то дырявая, что рубаха нищего.

- Что-то он молод для соглядатая, —охотник.

- Наши вон с 14 зим бывает в ватаги сбиваются и кровь пускать начинают, да и у них тоже рано взрослеют детки. Но соглядатай — конечно — это не с пустого места, готовить надобно. Но проверить нужно всё равно, — сказала Марта отдавая горячий завар одуряюще пахнущих трав Марику и села рядом. Огонь в камине начал постепенно разгораться и танцующие язычки пламени притягивали внимание. —Какие ещё варианты? — спросила она.

Марик отхлебнул завару, причмокнул:

— Эх как хорош, впрочем, как и всегда, — глубоко вдохнул густой пар из кружки. Да вот ничего другого и правда в голову не лезет, ученик мага какого, так молод ещё очень чтоб в одиночку бродить! Картограф, тоже очень вряд ли, всё тут излазано вдоль и поперёк, где дороги есть. А где нет, там и десятку бойцов порой опасно! Торговец, так и торговцы одни не ходят, и мастеровые не ходят, крестьян самих в лес плетью не загонишь, про знать нашу и говорить не буду, цельный обоз собирают даже в сортир сходить. Может быть ещё лихим оказаться, что не лучше соглядатая будет.

Марта усмехнулась. - Тать, соглядатай, нет вряд ли, глаза больно добрые, будто не то, что людей, кур даже не трогал. Возможно, скоморох или бард. И по виду складен и ходят бывает по одиночке хоть и редко.

Марик аж на лавке заёрзал:

— Да - да, что-то я это упустил и вправду бард может быть, но сразу нахмурился, да не - е, больно глухие места у нас чтоб за деньги песни горланить...

— Ну не такие уж и глухие, порой и большие трупы приезжают и довольные уезжают. Работы тут много, а с развлечениями совсем тяжко, — сказала Марта.

— Чего ж он тогда имя сказать боится, да и вообще?

— Мне т откидав знать, может и вправду мозги стряс, да и не забывай, вот тут, - ведьма указала на стол, - он мёртвый лежал. Может с той стороны чего такое с собой принёс, что сам боится теперь или понять не может.

— Может - может. Всётаки умная ты женщина Марта, — опять глубоко задумался Марик, смотря на огонь.

Ещё какое-то время они провели в тишине, обнявшись смотря в камин и думая каждый о своём.

— Что-то давненько их нет, — заволновалась Марта.

— Пожалуй соглашусь, – нахмурился Марик, вставая с лавки и отрывая взгляд от огня в камине. Но только он направился к выходу как парочка открыла дверь в дом.

Гед. Неречение

Когда мы зашли в дом я ожидал сразу шквал вопросов, но к моему удивлению их не было. Не было от слова совсем. Всё шло как-то обычно, Марта что-то кашеварила ей помогала Лия, Марик сидел и что-то шил из куска какой-то шкуры. Нет, конечно, болтали они постоянно и совершенно не о чём, то случаи из жизни рассказывала Марта то Марик то подшучивали они друг над другом и откровенно подтрунивали при рассказе очередной истории. Время шло интересно, но я никак не мог собрать мысли в кучу и разобраться в произошедшем со мной и как быть дальше. Нет всё понятно тело не моё, мир не мой, даже планета не моя судя по громадной луне на звёздном небе, ах да говоря о звёздном небе не было не созвездия медведицы ни ковша уж их я мог найти за секунды.

Моё реальное тело на земле, благополучно сварилось в провале городской теплотрассы и возвращаться некуда, даже если бы я мог переносить эфемерные строения инфоматриц только силой своей хотелки, да помноженной на коэффициент терпелки. Кто-то, конечно, оказавшись на моём месте будет выть, биться в истерике, сгрызать ногти до локтей, но не такой я человек. Нужно устраиваться тут, и ничего с этим не поделаешь. Тем более мне в общих чертах понятно, как, где и с чем я столкнулся и это похоже мой огромный и крайне звонкий так называемый рояль в кустах, ах да в плюс так же идёт понимание языка, и я реально без проблем на нём говорю, как на родном, это меня удивляет просто невероятно. Так же в плюсы я записываю и окружающих людей, Марик Марта и Лия невероятные, откровенно прекрасные люди. Возможно, я что-то не знаю, но в стартовых данных один позитив.

Теперь о моём теле, ха-ха. Да, тут негатива больше, в прошлых операторах, был явно какой-то идиот. Мне я так понял лет 15-17, а выгляжу я и чувствую себя как последний дрищ. Ноги тонкие, руки спички, сквозь живот буди, что хребет не прощупывается, постоянно то в жар, то в холод бросает и жрать хочется, как из ружья. Морду лица чётко не видел, очень надеюсь не кривой и не урод, хотя по общению с Лией вывожу, ей определённо симпатичен. Ладно грех жаловаться, мясо наращу, благо опыт трёх лет воркаута в этом поспособствует. Что ещё? Хм... Живучий как медоед, прямо скажем, хрен убьёшь, с явно подстёгнутой регенерацией, видимо те микстуры явно пошли на пользу, и с не слабым запасом магических сил и опытом ими пользоваться. Ах, да и главное, не трус. Тело в критических ситуациях, коих уже нахлебался досыта, действует, опираясь на мозг, а не на мешанину гормонов, химии молодого организма и эмоций. Очень хорошо, скорости и точности движений надо и силёнок и прямо терминатор буду. Хех.

Дальнейший план действий, да бог его знает. Надо бы парней из шахты достать, но как!? Лично армии пока не имею...

– Армия ему нужна, – проворчал Закир. – Для начала неплохо бы научиться не помирать каждую неделю. А там, глядишь, и армии подтянутся. Хотя... судя по твоей удачливости, ты скорее нарвёшься на армию мертвецов, чем соберёшь свою. С меня бы, например, вышел отличный командир. В былые времена...

– Ты командир гниющей падали, старик. Мне нужны живые, – заметил я.

– Главное, – не смутился некромант, – правильный настрой.

Значит идём по течению, дальше увидим. Одно совсем хреново, в средневековом сословном обществе нахожусь почти на самом низу, а значит нужно крайне аккуратно действовать. Да и вырваться из этого болота очень тяжело. В первой главе своего плана выживания можно поставить, больше правильных знакомств с людьми, ну и надо подкачаться наконец, хорош чувствовать себя пенсионером.

Долго решил не тянуть, обратился к людям в комнате:

– Марик, Марта, Лия благодарю вас за спасение. Никогда не забуду вашего тепла и всего, что вы сделали для меня.

– О, гениально, – ехидно прокомментировал Закир. – Начни с пафосной речи, они точно поверят, что ты нормальный. Может, ещё на колени упадёшь? Для убедительности. Или слезупустишь.

На миг в комнате воцарилась тишина, похоже никто не ожидал вот такого пафосного начала с моей стороны.

Первой отозвалась Марта:

– Да ничего, милый, люди должны помогать друг другу.

– Соглашусь с Мартой, – продолжил Марик, – меня как-то раз, так же подобрали и выходили крестьяне из деревеньки Пьяли, я тогда охотился на варгов в её окрестностях с моим другом Гаюсом, эх долгая память ему, но попались нам стоянка бандитов. Представь шесть ублюдков сидели у костра и обсуждали как бы употребить двух девчат пойманных ими при сборе ягод в лесу, а мое чувство обострённой справедливости, – на этой фразе со стороны знахарки послышалось хихиканье, Марик же как-то обиженно хрюкнул и продолжил, уже громче, – так вот, не дало оно мне пройти мимо, но сам понимаешь хоть и с засады, но на шесть вооружённых, опытных головорезов да с охотничьими срезами, стрелы это значит такие, очень неприятно идти. Друг мой меня конечно же поддержал, но был он с арбалетом, а не с луком. Двоих тогда мы сняли на раз два, но остальные среагировали мгновенно, будто всю жизнь только этого и ждали, и укрылись кто где, тут уже в нас полетели болты и стрелы. Ещё одного я снял тоже почти сразу, всё же не просекли, где мы засели, но вот Гаюсу не повезло при перезарядке он неаккуратно высунулся из-за дерева и словил шальной болт в череп. Остался тогда я против трёх. Партнёра видел, больше нет. Рядом он лежал, в паре шагов, а эти засранцы обходить меня стали, стрел я, конечно, не жалел и ещё одного в пузо приголубить смог до того, как мне в ляшку болт влетел. Это только рассказывать долго, на деле хоп и ты в окружении. Стрел с десяток ещё, но толку то. Ну думаю всё, рана в ногу — это очень серьёзно. На вскидку начал бить, а лес густой, невидно ничего толком. Где хрустнет, туда стрелу, но и в меня летит, а много не побегаешь. Прилетело мне тогда 3 болта, ладно Аданос упас и не так чтоб насмерть, но кровь хлестала как из ведра. Слышу приголубил и этого, а сил на последнего чуть да маленько. Ну думаю помощи боже и последнюю стрелу в чашу то и пускаю, где хрустнуло, а сам к девкам тем бедовым с ножиком ползу, пути думаю срежу может успеют убежать. Девочек то отпустил, вижу только пятки сверкают, улепётывают, а самого в бок тянет на сыру землю прилечь, невыносимо тянет. Нет думаю, не дамся пока в сознании, на один бок облокотился жду. Так и дождался пока ко мне крестьяне с вилами прибежали. Потом узнал, что того последнего в глаз уложил, падлюку. Так вот тогда вся деревня на лекаря скинулась, а могли бы просто оставить там в лесу, мол уже не помочь, а нет скинулись и потом выходили, и ты мимо не проходи никогда. Видишь, что сможешь помочь, помощи. Не зря всё это.

– Точно не зря! – вторила ему знахарка.

– Значит не помнишь, как тебя зовут? – спросил Марик.

– Нет! – покачал головой я.

– Давай тогда имя тебе новое дадим, по крайней мере пока не вспомнишь старое, не на эй же обращаться, да и не гоже доброму человеку по земле без имени то ходить! – охотник добродушно усмехнулся и спросил, – какое имя себе хочешь?

– Могу предложить несколько вариантов с переводом на старые языки Варанта, – немедленно откликнулся Закир. – Например, «Безумный». Или «Тот, кто умер и восстал». Звучит внушительно. Или, скажем, «Пожиратель Душ»? Или вот, идеальное, «Проблема»? Тебе подходит.

Я даже рот открыл от таких вариантов. В старой жизни меня звали Данил, но тут сократят до Дан. Так себе имечко, не помню уже почему, но ассоциировалось оно с поганым человеком. Но имя и в правду надо, но какое. В голову лезло лишь одно, Гатс, из кинофильма Берсерк, на тот момент и так пауза затянулась изрядно и совсем уж тупым выглядеть не хотелось. И я ляпнул, – Гатс!

– Гатс? – голос Закира дрогнул от удивления, смешанного с презрением. – Это ещё что за... птичий клич? Ты издеваешься? Я думал, ты хоть немного уважаешь себя. А ты... Гатс. Пожиратель Душ – вот хорошее имя.

Это имя великого воина,- возразил я неуверенно.

– Великого воина по имени... Гатс? – он зашёлся в хохоте. – Ну, тогда я — король орков. Серьёзно, парень, возьми себя в руки. У тебя есть шанс начать с чистого листа, а ты хочешь назваться в честь героя из дешёвых картинок? Позор.

Марик приподнял бровь, произнёс как бы пробуя каждый звук на вкус:

–Гатс! Га-т-с! Хм... – кашлянув в кулак он посмотрел в глаза парню и сказал. –Не слышал такого имени никогда, от куда оно? Что значит?

Пожал плечами. И на самом деле не знал, ни как появилось это имя, ни что оно значит, лишь героя, которому принадлежит.

-Что скажешь Марта? –сказал старик.

Марта так же сказала имя с пяток раз, процедила, протёрла, прочувствовала, подумала - Хм, не знаю, не слышала такое никогда. Может вызывать подозрение у наших господ или магов. Да и смотрю на тебя, не подходит оно к тебе, не липнет, не звучит с тобой. Знахарка медленно подошла к парнишке, пошевелила волосы, присмотрелась в глаза, - Гед. Я бы назвала тебя, Гед.

– Гед? – Закир задумался. – Хм. Звучит... как звук, который издают, когда спотыкаются на лестнице. Или когда подавились. Но всё же лучше, чем Гатс. Намного лучше. В этом имени есть что-то... земное. Надёжное. Но его стыдно будет произносить перед теми, кого ты собираешься убивать.

Я не собираюсь никого убивать,- возразил я.

– Пока не собираешься, – никак не затыкался некромант, – но мир, мальчик, имеет свойство меняться. И люди в нём — тоже.

Тут уже мне пришлось пропускать имя через свои фильтры:

-Хм, а что, мне нравится. Согласен, но что оно значит?

Марик, кинул чёткий взгляд на угол, и мотнул головой. В углу стоял кожаный чехол, из которого выглядывал конец ненатянутого древка лука.

– Охотник. Гед в переводе с древних языков племён, живших здесь до объединения, означал охотник и это хорошее имя. Он по-отцовски положил руку, мне на плечо, взглянул в глаза твёрдым взглядом и произнёс:

–Великие боги миров Инос, Аданос, Белиар. Пред взором вашим, я, наделённый силой согласия, нарекаю сия отрока именем иным, Гед.

Закир зашевелился в голове, сначала недоумённо, потом всё более тревожно:

– Что этот старый дурак делает... Стой... Нет... Он что, призывает богов? Сейчас? Прямо здесь? Над живым человеком? А-а, господин, убей этих идиотов! Они сейчас тебя на блюдечке богам принесут, а те уже тебя и раскроют! Боги страшны, боги всевластны! Я знаю, о чём говорю! Они...

Голос его сорвался на фальцет, смешиваясь с нарастающей болью в голове Геда.

Резко разболелась голова, стальные удары мигрени резко накатили, безжалостно долбя в виски и лоб. А где то на краю сознания, благим матом орал мой мозговой сожитель, некромант, - А-а, господин, убей этих идиотов, убей...

Спустя недолгую паузу, Марик прислушался к чему-то и продолжил - Примите же, боги, имя его либо верните старое, истинное, да будет так.

В это мгновение землю ощутило дважды трянуло, ритмично звякнула посуда, а некоторые склянки с содержимым ушли в свой последний полёт со стеллажей. Грянул гром и в хижину, объяв весь небосвод, ударила толстенная молния.

Тут же в глазах Марика сверкнул испуг с вплетённым недоумением.

Где-то в черепушке выходя на ультразвук верещал старый некромант. Черепушка же отзывалась свинцовыми ударами боли.

Я взглянул на знахарку, увидел лицо полное страха, открытый рот и глазами гадающей мышки. Видимо что-то пошло не так, впрочем, как всегда. Ощутимо потянуло дымком, похоже где-то на крыше начинал заниматься огонь, но тут же хлынул дождь, да такой... Порой говорят, как из ведра, но тут не подойдёт, как из водной пушки по буйным футбольным фанатам.

Где-то минуту лил дождь. Как по мне, продлись он ещё минуту, лачугу бедной Марты разобрало бы на составные. И так на затылок отчётливо начало капать, хе-хе, по закону подлости конечно же, только мне.

– И часто у вас такая веселуха? – решив разрядить обстановку брякнул я, не обращая внимания на нарастающую боль.

– Веселуха? – прохрипел Закир, всё ещё не оправившийся от шока. – Ты называешь это веселухой? На нас только что боги обратили внимание! Боги! А этот идиот улыбается и шутит! – он перевёл дыхание. – Знаешь, я начинаю подозревать, что ты не просто неудачник. Ты — ходячее бедствие. И я, по какой-то нелепой случайности, теперь часть этого бедствия.

— Рад, что ты это осознал, — как то спокойно и тихо стало на душе, даже нытьё Закира не волновало.

– Я не рад. Я в ужасе. Но, видимо, мне придётся с этим жить. Или умереть. Что, учитывая наши обстоятельства, скорее всего, произойдёт очень скоро.

Лия сидела пятой точкой на полу, похоже сильно струхнула. Ведьма медленно оседала на лавку, но при моих словах замерла, а Марик улыбался во все 32 зуба. Уж не знаю, что его так обрадовало, но, пожалуй, спрошу это как-нибудь в другой раз, а сейчас меня чего-то сморило совсем, пойду спать. Срочно спать.

Гед. Где-то глубоко в недрах сознания

Звяк, бам, бам. Тяжелейшие удары, от которых клетка, окружающая некроманта, содрогалась и жалобно поскрипывала. Удары чистой силой были тяжелы, в секунды тысячи килоджоулей энергии обрушивались на искрящийся металл нагревая его до красна.

– Открой! – голос Закира звучал не истерично, а с холодной, кипящей яростью. – Ты слышишь меня, выродок? Я не собираюсь сидеть в твоей дурацкой клетке, пока ты там... имя себе выбираешь! Гед! – он выплюнул это слово, как косточку. – Гед! Ты хоть понимаешь, что ты наделал? Боги теперь знают о тебе! О НАС!

– Ты что тут устроил, истеричка. Пади ниц перед своим господином – смертный! – рявкнул я и слова мои лишь волею моей пронесли по небосводу моего мира.

– Истеричка? – Закир замер, а потом расхохотался, но смех этот был злым, нервным, с металлическими нотками. – Я, Закир, прошедший пять кругов некромантии, — истеричка? Ты, мальчишка, который даже имени себе нормального выбрать не смог, называешь меня истеричкой? – он снова обрушил удар на клетку, и та звенела от натуги. – Да я в твоём возрасте уже...

– Ты в моём возрасте был вонючим учеником, который выносил ночные горшки за своим хозяином, – ярость во мне начала закипать.

Закир замер. В его молчании чувствовалось, что попал в точку.

– Старик мерзко засмеялся, а спустя всего пару мгновений тихо захихикал. – Ты-ы, жалкий глупец. Ты всего лишь идиот в разуме коего я застрял. Ты слаб и ничтожен. У тебя не было даже имени своего. Аха-ха. Неужели Белиар дал мне шанс на перерождение и помог обрести новое, полное сил тело. Белиар не оставляет своих, – голос Закира стал тише, но в нём появилась странная, почти молитвенная интонация. – Он ждёт. Он терпелив. И он знает, что я не подведу. А ты... ты просто сосуд, мальчик. И когда придёт час...

Он не договорил. Но угроза повисла в воздухе, тяжёлая, как нависшая скала.

Старик разливался соловьём, а у меня сжимались кулаки. Весь план с обретением такого нужного мне помощника полетел коту под хвост. Да какого там помощника, этот старый пенёк всё для себя похоже понял и теперь вынесет мне мозг и благо будет если я не буду сидеть уже через час вот так в такой же клетке. Хм... А у меня всё же похоже права администратора в этом странном месте. Вон старый минут пять упирается, весь на говно уже изошёл, а сделать ничего не может. Вся клетка только полыхает ультрафиолетом, да и только, а ну ещё с пяток таких же. Вокруг него. Раз. Раз. Раз... И старый идиот уже в клетушке, плотно подпирающей его чахлаю фигурку, не вдохнуть не пикнуть как говорить.

Закир захрипел, пытаясь вздохнуть, и его лицо, искажённое яростью, начало багроветь. Но даже в этот момент он не сломался. Сквозь сжатые зубы прошипел:

– Ты за это заплатишься... Я здесь не навсегда...

А в глазах его плясал бешеный, лихорадочный огонь. Он не сдавался.

– Постой так, да охладись. Посмотри, как разъярился. Ты же простой Юзер, или не понимаешь, – начал я с ним на чистоту, раз уж план провалился и этого дебошира в русло страха и послушания, без членовредительства пока не вернуть. Ты постой вот так и подумай, стоит ли меня злить, да я не великий демон, да я не свергатель небес на землю, но всё же я и только я властен над тобой здесь. Только я смогу помочь тебе обрести новое тело, а не прозябать тут, в закоулках созданной мной же реальности. Ты подумай. Подумай.

– Юзер? – голос Закира, приглушённый сжавшейся клеткой, прозвучал с недоумением. – Что за... неважно. Слушай меня, мальчишка. Я не знаю, кто ты и откуда. Я не знаю, что

за силы позволили тебе сделать это со мной. Но я знаю одно: ты не бог. Ты не демон. Ты — человек. И люди... люди ошибаются. Рано или поздно ты ошибёшься. И тогда...

– И тогда что?

– И тогда мы поговорим на равных, – закончил он, и в голосе его прозвучала такая уверенность, что мне стало не по себе.

Желания экспериментировать с его уничтожением не было. Было какое то смутное чувство, что начни его здесь гонять, сжигать или убивать, сознание найдёт лазейку и выделит ему какую ни будь подобную вселенную, где уже он будет владеть и управлять. И получится у меня раздвоение личности, а оно мне надо? -Так, ну что вижу под успокоился маленько, сбросил пар. Молодец.

Старый стоял как пингвин, лишь мотая ручонками туда-сюда. Подумал и решил оставить ему самую свободную клеть, вернул шатёр и создал двигающуюся куклу, естественно женского пола с формами и выпуклостями какими следует. Пусть старого, танцами развлекает, благо несложный образ движений, где-то я его видел, а, вспомнил. Вот так. Да чай носит. Красота, не жизнь, а малина!

Закир рухнул на ковёр, хватая ртом воздух. Несколько мгновений он просто лежал, глядя в потолок шатра, а потом медленно поднялся.

– Куклу? – он уставился на танцующую фигуру, и на его лице отразилась такая сложная гамма чувств — от оскорбления до любопытства, — что я едва не рассмеялся. – Ты... ты издеваешься?

– Развлекайся старый, – старательно сдерживая смех сказал я.

– Развлекайся, – эхом повторил он, и в голосе его прозвучала горькая усмешка. – Знаешь, в моём родном городе за такое... впрочем, неважно. – Он устало опустил на подушки, наблюдая за движениями симпатичной куклы.

Он замолчал, и в этом молчании было столько горечи, что я почувствовал... нет, не жалость. Но что-то похожее.

Может подбредет старый и выйдет с него, что нужное и полезное.

Гед. Три недели ада.

Деревенька Нейс.

Со времени нашего с Мариком переезда в деревеньку Нейс прошло уже 3 недели. Всё это время Марик глаз с меня не спускал хоть и делал это очень аккуратно. Рассказывал об охоте, местной жизни, правилах поведения в деревне и здешних порядках, ну и конечно же азам обращения с охотничьим луком. К слову, его я даже натянуть не мог как положено, так что на скорую руку смастачил мне старик, простенький ивовый.

Дни тянулись медленно и однообразно. С утра бег, пару кругов вокруг деревни и незатейливые физические занятия. Дальше готовим простенький кулёшь и аж до обеда занятия в стрельбе из лука, далее обед. На обед тот же кулёшь как не прискорбно и занятия по теории местной охоты с подробными и леденящими душу рассказами про неудачливых охотников на ту или иную дичь, их ошибки и средневековая техника безопасности при охоте на всякого рода тварей, пока простеньких. Преподавал он и правила выслеживания, скрадывания и выбора оптимального места засады. Ох. Голова от всего этого кипела, вроде чего там, вот лук — вот дичь, натягивай и стреляй точно в глаз, а нет... Теории столько, что в институте меньше в минуту времени заливают. Дальше усиленные физические занятия вплоть до сверчков, после поесть, что не доели днём с травой какой, вроде салат импровизированный и спать.

С таким графиком до своей завалинки я доползал на полусогнутых и по этой причине до сих пор толком не с кем и не познакомился лишь Джиса порой приносила кувшин другой молока, с ней и удалось парой словечек перемолвиться.

– Смотри-ка, – хмыкнул Закир в голове. – Молоко приносит. Значит, либо ты ей нравишься, либо она решила тебя откормить перед забоем. Я бы на твоём месте не расслаблялся.

– Вообще молчи, – фыркнул я, – ты сейчас в моей голове — гость, а не советчик.

– Гость, которому это тело ещё пригодится, – парировал некромант. – Так что молоко пей, но от девушки держись подальше. Женщины — это всегда проблемы. Особенно красивые.

Думаю, ещё пара недель в таком темпе, и я бы точно сдох, но вдруг сегодня с утра ко мне подошёл Марик.

– Ты очень быстро учишься Гед, да и лук ты уже сносно держишь, попробуй теперь нормальный, охотничий. Думаю, ты уже сможешь с ним совладать.

Я взял лук, в холостую потянул тетиву, – хм, и правда. Это конечно не лук Марика, но все же не сырая деревяшка с верёвкой. Взял стрелу и выстрелил в соломенную вязанку. – Ох какая сила: кажется, в слух сказал я.

– Да этот лук намного лучше той палки, что была у тебя до этого. Ты попривыкни пока к ней постреляй, а я подготовлю стрелы к охоте. Завтра по утру выйдем, будь готов.

У меня аж челюсть в низ поползла, – Э-э... Как это на охоту, на кого? Я как-то не чувствую себя подготовленным на столько.

Марик усмехнулся, всё, что ты бы мог понять с ноля, я тебе рассказал, лук ты держишь уже сносно, да и попадаешь на ровне с твоими сверстниками, есть и получше конечно лучники, но и лук они взяли, как только ходить научились. «Так что ты полностью как по мне готов», — пробасил он как-то слишком торжественно, как по мне. Он хлопнул меня по плечу и пошёл в дом. – Ах да, на кротокрыса пойдём, я тебе рассказывал, что да как.

М-да. Надо бы попривыкнуть к луку. По рассказам, эти зверюги жили всегда стайками от 3 особей, были медлительны и достаточно безобидны если руки в пасть не совать. Жирное тело с кучей складок и маленькой головой с двумя рядами острых зубов. Всеядны. По сути защищённых частей нет, шкура тонкая шерсть хоть и густая, но очень короткая, черепушку также стрела пробьёт без проблем. Эх пойду привыкать к новому оружию.

Лук, ах как хорош, я провёл по дуге лука ладонью, ощущая огрехи мастера, неровности и рисунок древесины, осмотрел тетиву, плечи.

-Ну что, давай знакомиться: сказал я, наложив очередную стрелу и выстрелил...

Охота

Утро нового дня началось, как обычно, с крика соседского петуха. Старик уже что-то сварганил поесть и копался в узлах сумки, если, конечно, можно так назвать мешок с завязкой.

– Долго спишь, Гед. Ты собрал свой мешок?

– Да, ещё вчера, – сказал я, раздирая глаза и подходя к ушату с водой умываться.

– Молодец. А я вот решил ещё копчёного мяса взять, да со слепу узел затянул, резать, наверно, придётся, – расстроено сказал старик.

– Дай гляну. Что у нас тут? Аха, – поковырявшись с минутку ножиком, всё же развязал узел. – Деда, а что ты лямки к мешку не сделаешь? Удобнее же, чем на плече тащить.

– Как это? – удивился охотник.

– Давай покажу.

Выбежал во двор, подобрал пару маленьких камушков, сунул по углам мешка. Взял верёвку потолще и концы завязал на углах мешка так, чтобы камешки препятствовали сползанию узла. В середине верёвки сделал петлю и накинул на верх мешка.

– Вот, рюкзак обыкновенный.

Марик почесал голову, повертел мешок.

– У нас нечто подобное делают из плетёных корзин, но вот так, чтобы раз и готово, — занятно. Молодец. Ну, что, идём, поедим, да в путь.

Через три часа мы уже пробирались через чащу леса. Хоть пока ещё весна, но трава уже кое-где по колено, да и сухие поваленные деревья не добавляют скорости передвижения. Я шёл за Мариком, боясь сбить дыхание, а тот пёр по лесу как по бульвару, и ни одна ветка не хрустнет, лишь трава по сапогам шелестит. Вдруг он повернулся.

– Ну, что, помнишь, где деревня?

Хе-хе, ну не настолько же я бездумно шёл. Без колебаний указал направление.

– Хорошо, – кивнул головой охотник. – Вон там дальше, если смотреть в сторону того дуба, будет гнездо кротокрысов. Постарайся выманить одного и добыть. Я постою тут, покараулю от волков да и других хищников.

Подсобравшись, я без разговоров двинул в указанную сторону, снял рюкзак на ходу и достал приманку. Да, вы догадались, свежая баранья култышка, лишь слегка заветренная.

Пробираться пришлось довольно далеко, но вот всё-таки вышел на утоптанную поляну, в середине которой была огромная нора крайне интересной формы. Кротокрысы, повизгивая, видимо от удовольствия, возились там в грязи. Предательский холодок пробежал по спине. Ну и падал же какая, бр-р-р... Представлял я их в живую намного милее, а вот эти комки жира и зубов занимались своими делами: некоторые принялись жрать траву, попутно выкапывая корешки, некоторые так и барахтались в грязи, а пара жиробасиков начала выяснять отношения. Передвижение их больше всего напоминало неспешное перемещение кролика: сначала сразу обе передние лапы быстро выбрасываются вперёд, после чего тело как-то перетекает к ним, опирается и поочередно приставляет задние. По размерам — не меньше полутора годовалой свиньи, килограмм под 100–120. И таких зубастых поросят здесь восемь штук. И это на полянке, а в норке неизвестно сколько ещё. Страхотища. И вот на это чудо-юдо охотиться надо. Меня ещё раз передёрнуло, но я всё же выбрал особь на максимальном удалении от других. Привязал баранье копыто к верёвке, скинул рюкзак под дерево.

Ну что, поехали.

Размахнувшись, швырнул копыто так, чтобы примерно поблизости от отшельника попало. Перестарался. Копыто со смачным шмяком попало прямоком по сопатке монстра. Тот

обиженно визгнул, хрюкнул, потряс головой. Остальные кротокрысы возмущённо захрюкали, лениво вертя головами, а я, перебирая руками, медленно тащил культишку за верёвку к себе. Чёртова животина как будто обиделась, даже желания преследовать не выказала и повернулась задом ко мне. Гадина такая.

Сейчас ты у меня получишь.

Размахнувшись посильнее запустил ногу по заднице монстра.

Шлёп. Вяк, хру-фру.

Кротокрыс припустил в сторону своей норы, а я выругался. Все остальные особи были слишком кучно расположены. Так, раз, два, три, четыре, пять, шесть. Хм. Куда ещё один делся? Нигде не видно. Ладно, подожду, может, отпрыгнет кто ещё в сторону.

Просидел так на корточках минут пять, пока одна зубастая особь не решила отделиться, правда, немного не в ту сторону. Да ничего, я не гордый, подойду.

Только подтянул к себе лук, взял стрелы и хотел было встать, как меня за задницу со злобным взвизгом — кусь!

Выдал в прыжке трёхэтажный мат, а её не впечатлил, держит меня зубиками за филейную часть, а мне не вырваться, не развернуться, даже поорать нельзя — тогда вся эта кодла прыскачет, и конец. А Марик далеко, метров за триста в лесу. Сходил, зараза, поохотился, — ругнул я себя, изворачиваясь, и со всей дури, что есть, хлестанул кротокрысу по боку. Взвизгнув, тот отпустил, а я, чувствуя свободу, перекатом ушёл на пару метров в сторону и дал дёру со всей скорости, на которую был способен, с прокушенной задницей. Лук и колчан стрел были в руках, так что, отбросив колчан прямо на бегу, оставив одну лишь стрелу, с ходу развернулся, прицелился наспех — не так, чтоб этот монстр отстал сильно, но пара секунд у меня была. Выстрелил.

Стрела пробила голову и вышла из шеи зверушки. Та мгновенно успокоилась, лишь лапами по воздуху ещё какое-то время била.

Фух.

Что там с раной? Надо как-то до Марика добраться — у него были пара тряпок на такой случай. Зажав рану, поплёлся в его сторону. Минут десять я до него добирался, а в сапоге уже хлопает.

— Эпично, — донёсся из глубины сознания голос Закира. В голосе его звучала странная смесь: уважение пополам с ехидством. — Ты, конечно, гениальный охотник. Выследил зверя и выманил на свою собственную задницу... Я бы сказал, что это новый уровень мастерства, но боюсь не оценят смертные твоей жертвы.

— Заткнись, — желания пререкаться не было.

— Молчу-молчу. Но знаешь, что я тебе скажу? Твоя тактика «приманка собственной жопой» сработала. Может, запишешь в учебники? «Как добыть зверушку, пожертвовав самым ценным».

Марик, только меня увидев, сразу скинул мешок, ловко ослабил петлю, и к тому времени, как я доковылял, уже держал наготове ленты ткани и пузырёк с вонючим содержимым.

— Как же гoblin тебя дерит, угораздило так!

— Думаю, это риторический вопрос, — хохотнул я.

Тут старик отвесил мне подзатыльник и принялся обрабатывать рану.

— Тут шить надо, — рыкнул он. — Молодец, конечно, что не орал, но мог бы знак подать — ведь учил. Берёшь толстый сук, который заранее готовить надо и по дереву бьёшь им один раз со всей силой. Такой звук далеко слышен. Ух, идиот безмозглый, как ты зад ему умудрился подставить? Терпи теперь.

Он опять покопался в мешке, достал деревянную коробочку, открыл, извлёк оттуда кованую здоровенную иглу и нити. Вдел нить в иглу, обтёр руки вонючей мазью, которой обрабатывал рану, и начал шить. Ладно, я успел деревяшку в рот сунуть.

Марик хохотнул:

– Вперёд наука тебе будет и памятка на всю жизнь, прямо на заднице, раз уж ей думать решил. Да уж, такой памяткой шибко не похвастаешь!

Игла сноровисто летала, оставляя стежки, но тут старый охотник резко встал, вскинул лук с уже наложенной стрелой и за тих.

Тут заметил и я! Трели птиц стихли, тут и там испуганные пернатые слетали с веток. Стояли в тишине, прислушиваясь и всматриваясь в лесную чащобу, недолго. Из леса вышла пара охотников и, махнув рукой, направились к нам.

– Привет, Марик. Случайно на вас вышли, до близнецов ходили, ловушки проверяли. Как вы тут? Добыли чего? – ещё не успев взобраться на небольшую возвышенность, на которой мы обосновались, сказал один из охотников с длинной чёрной бородой и шрамом через всё лицо.

– Здорова, охотники. – Марик отпустил оружие, приставив его к дереву, и убрал стрелу обратно в колчан. – Да вот, внучка на охоту решил сводить, да не задалось. Вы — это, располагайтесь тут, я штопать заканчиваю уже.

– Я и думаю, что он перед тобой голым задом сверкает. Это где ж вас так угораздило? – спросил второй, сильно моложе, где-то наверно лет семнадцать-восемнадцать, тоже с угольно-чёрными волосами.

– Уго, друг, даже не спрашивай, не то всю дичь распугаешь! – серьёзно сказал Марик.

– Всё так ужасно? – присев на высохшее, некогда упавшее дерево рядом с получившимся лагерем, уже чуть не смеясь, спросил бородатый. – Уго, принеси дров пока. Думаю, лучше нам возвращаться в деревню вместе.

– Спасибо, Ув, помощь нам не помешает, – кивнул головой Марик.

– И всё же, может, расскажешь? Интересно же, – доставая из мешка бутылку, по-видимому выпивки, нетерпеливо попросил Ув.

Охотники и так большие любители байки травить, а уж в лесу, у костра, да с бутылочкой приятной настойки и в приятной компании старых знакомых — сам бог, похоже, велел.

– А-а, пусть сам рассказывает! Не понимаю, как такое возможно. Всё, закончил шить. Штаны сам потом залатаешь, – пробурчал Марик, сев на бревно рядом с Увом и тоже достал бутылку из рюкзака.

Примерно в это же время Уго притащил большую охапку дров и начал заниматься костром.

Наверно, красноте моей морды смог бы позавидовать самый спелый помидор. Стыдоба какая, да и дед был явно расстроен произошедшим. Я всё мялся и никак не мог решиться сказать, и тут в голове начал выстраиваться план с мутным исходом.

От костра уже потянуло первым дымком, и Уго присел рядом с бородатым. Теперь на меня ожидающе смотрело целых три пары глаз.

Ну и хрен с вами, тонуть так с песней, так сказать. Ещё в той жизни, на Земле, я частенько сочинял стишки и решил оформить свой рассказ в необычном для этого времени стиле. Поднял подбородок, выпрямил спину, облокотившись плечом на ствол рядом стоящего дерева. Как мне казалось, театрально поднял руку, выдержал театральную же паузу, посмотрев каждому многозначительно в глаза, резко отпустил, как бы посылая всё к Белиару, и начал.

Драпа о вожде кротокрысов

– Драпа о вожде кротокрысов, – начал было я, выдержав очередную паузу, и чуть не рассмеялся, глядя на brutальных охотников, на данный момент больше похожих на детей, которым включили любимый мультик. Всё же сдержался и продолжил, максимально, как мне казалось, театральным голосом...

В глубокой чащобе,
И в солнце, и в дождь,
Жил, мифов достойный,
Кротокрысов вождь.
Долгие годы
Гонял он волков,
И дрожал мракорис
От его клыков.
Но ныне весною
Он шум услышал,
Охотник молодой
Чад бить прибежал.
Нет, мифов достойный
Кротокрыс сказал,
Отводить все взоры
Он склдовал.
И не знал охотник
Что дичью он стал,
За горло зверь могучий
Ухватить мечтал.
Монстр подкрался тихо
Остался рывок,
Но охотник лихо
Совершил отскок.
Но достойный мифов
Зверь не сплеховал,
На клыках огромных
Кровь почувствовал.
Яростью застило
У вождя глаза,
Но ловкач охотник
Вырвался тогда.
И секунды хватило б
Зверю на рывок,
Но в тот миг недолгий
Век его истёк.
Лишь одной стрелою
Был убит тот зверь.
Бой достоин ль мифов

Вам решать теперь.

На этом моменте я глубоко поклонился, а в заднице резко и очень больно стрельнуло, но я взял всю волю в кулак и медленно выпрямился. Потрескивал костёр, где-то далеко неистово орала какая-то птица. Если бы не это, можно было бы сказать, что тишина гробовая.

М-да, какой угодно реакции я ждал, но не тишины. Вряд ли местные жители сильно избалованы стихоплётством, так что корявый слог не должен бить по ушам. Но что тогда?

И тут мои размышления перебили...

– О, Белиар, – выдохнул Закир в голове таким тоном, будто увидел нечто, разрушающее основы мироздания. – Он ещё и стихи сочиняет. Мало мне было задницы, теперь я должен это слушать. Я в клетке сижу, а он... «драпу» декламирует. Знаешь, а может, Белиар всё-таки меня наказал? За какие-то грехи? Потому что сидеть в голове у поэта-охотника, который только, что описал собственную жопу в героическом эпосе — это... это изощрённая пытка.

В принципе от старика некроманта другого не ждал, даже отвечать не стал.

На, глотни, брат-охотник, уважь товарища, – сказал бородач Ув, протягивая свеженький бутыль с неким содержимым.

Да, это явно лучше, чем по морде за откровенное враньё. Распечатал бутыль, поднял, произнёс:

– За охотников! И пусть всякая цель будет чётко видна!

М-м-м, пиво. А совсем не дурное. Все спутники также отсалютовали и приложились к напиткам.

– Показывай своего кротокрыса, Гед. Надо его разделить успеть и до деревни дотащить! – с явными нотками интереса проговорил Марик.

– Идём, – сказал я.

– Вы не против, если мы тоже взглянем? – присоединился Уго. Ну и Ув, я так понимаю, тоже не останется просто тут сидеть.

Только рукой махнул, мол идём — не отказывать же. Эх, лишь бы добыча теперь не подвела. Сам же я не успел рассмотреть животинку, как-то времени не было. То, что совсем не мелкий, знаю совершенно точно.

Минут пять мы тихонечко пробирались сквозь лес до места схватки.

Уго, похоже, увидел кротокрыса первым.

– Ты смотри, какой матёрый. В нём килограмм 250–300. Раньше таких я не видел.

– Да ты вообще ещё мало что видел! – рыкнул на него Ув. – С такого можно потрудиться и шкуру аккуратно срезать. Могут в городе, как трофейную, коллекционеры за хорошую цену взять.

– Знаешь, кому можно сбыть? – спросил Марик.

– Да есть намётки. Но нужно будет взять с собой твоего внука обязательно! Такая шкура, да с такой легендой... – Ув многозначительно вздёрнул брови и покачал головой.

– Ну не томи давай, сколько, хотя бы примерно? – нетерпеливо сказал Марик, приступая к работе.

Ув огладил бороду, сорвал травинку с жёстким стеблем, вставил в рот, пожевал с задумчивым видом.

– Трудно сказать, но трофей крайне редкий. В прошлом году Дерек голову полосатого падалыщика за пять золотых монет отдал, а тут трофей с... – Он снова пожевал травинку, – драпой. Хоть я бы назвал это, конечно, легендой в стихах. Редкость невероятная. Вельможи с руками отрывать будут, чтобы именно у них эта шкура висела на стене. Думаю, меньше пятидесяти золотых отдавать смысла нет.

Марик даже работать перестал.

– Пятьдесят золотых? Пятьдесят? Это просто... – Выругавшись, Марик продолжил: – Вот как мне теперь работать, руки ж трясутся. Есть ещё пиво? – Марик выжидающе уставился на Ува.

– Нет, кончилось! – сокрушённым голосом ответил тот.

– И сколько ты хочешь за помощь в сбыте такой драгоценности? – спросил Марик.

– Я сделаю это для вас за четверть от выручки! – ответил после недолгих раздумий Ув.

– Четверть — много! – сказал Марик, приступая опять к снятию шкуры. – Тебе четверть, барону четверть. Больше пятой части дать не сможем.

– Половина от пятидесяти золотых — это тоже огромные деньги, мой друг. Но ты всегда можешь попробовать сбыть трофей сам. – Ув присел на корточки, погладил кротокрыса по шкуре. – Ты посмотри, сколько шрамов. Сколько же ему лет...

Марик молчал долго, успел снять почти всю шкуру, но наконец сказал:

– Хорошо, твоя четверть, но помощь во всём с тебя, ну и выпивка по приезду в деревню после сделки так же с тебя.

– Договорились, – согласился Ув. – Кстати, голову бы тоже стоит взять. Нужно будет вложиться, но золотых на пять тоже может потянуть.

Вся разделка заняла не больше пары часов. Сварганив волокуши из молодой поросли и скидав туда всю добычу, потащили её в сторону деревни. Я же, сделав себе подобие костылей, двигался рядом с дедом. Какое-то время шли, слушая рассказы Ува, но вот болтовня стихла, и я решил спросить у Марика давно мучивший меня вопрос.

– Деда, почему ты меня попросил выманить и добыть лишь одного кротокрыса? Там их не меньше двух десятков. Почему бы не организовать рейд и не заработать по-серьёзному? – почти шёпотом спросил я.

Охотник с укоризной посмотрел на меня.

– Так делают или дураки, или браконьеры. Они, впрочем, тоже долбоклюи ещё те. Вот смотри: вырезал ты всех в этом выводке, заработал бы по тридцать медяков с кило мяса и пятьдесят с сала, но, скорее всего, меньше. В ближайших тавернах столько не возьмут — оно стухнет раньше, чем они его смогут реализовать. А крестьяне не смогут за такую цену купить, по паре медяков и то в лучшем случае. И протухнет половина твоей добычи, а ведь её надо найти, разделать, дотащить ещё... Дурь в общем. Намного лучше бить по одному молодому кротокрысу. А с такого выводка, как этот, можно до пары десятков за год добывать. Плодятся они быстро, растут тоже. Так что считай. Да, молодые вытянут не больше сорока кило после разделки, но зато без добычи не уйдёшь, да и мест, где водятся эти зверушки, немало в лесу. Люби окружающую природу, и она не даст тебе умереть от голода, парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.